

Анатолій Брянчаниновъ.

ВЪ КАБАЛѢ.

Драма изъ народнаго быта 70-хъ годовъ, въ пяти дѣйствіяхъ.

ХАРЬКОВЪ.

Типографія „Мирный Трудъ“, Дѣвичья, № 14.

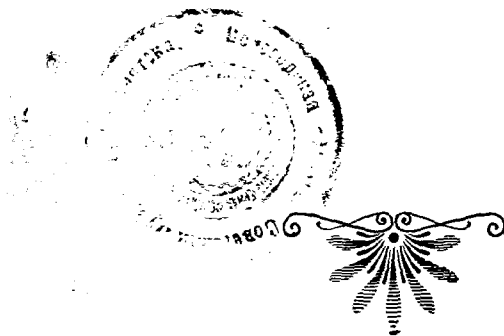
1911.

821.7-2

Анатолій Брянчаниновъ.

ВЪ КАБАЛЪ.

Драма изъ народнаго быта 70-хъ годовъ, въ пяти дѣйствіяхъ.

ХАРЬКОВЪ.

Типографія „Мирный Трудъ“, Дѣвичья, № 14.

1911.

ДѢЙСТВУЮЩІЕ:

ЗАХАРЪ АЛЕКСѢЕВИЧЪ МІРОБДОВЪ, вдовецъ, 57 лѣтъ, состоя-
тельный землевладѣлецъ изъ купцовъ.

СЕРГѢЙ, его сынъ, 25 лѣтъ, недавно произведенный въ класный чинъ,
телеграфистъ.

ТЕРЕНТЬИЧЪ, цѣловальникъ и лавочникъ, правая рука Міробдова.
АРИША, его дочь.

КЛИМЫЧЪ, мужикъ лѣтъ 50.

ПАРАСКОВЬЯ, его дочь, 18 лѣтъ.

АРЕФЬЕВНА, знахарка.

НИКОЛАЙ, охотникъ изъ бывшихъ дворовыхъ.

ГРИГОРІЙ ПРОКОПЬЕВЪ, сбившійся съ пути парень.

ПРОКОПІЙ, его отецъ.

АННУШКА, богомолка, сестра Климыча.

СТАРИКЪ.

1-й	}	мужики.
2-й		
3-й		
4-й		

Дѣйствіе происходитъ въ семидесятыхъ годахъ, въ одной изъ вели-
корусскихъ губерній. Между 3-мъ и 4-мъ дѣйствіями проходитъ око-
ло трехъ мѣсяцевъ, между 4-мъ и 5-мъ—девять.

ЯВЛЕНІЕ I.

(Голосъ изъ-за кулисъ справа). Тетка Марья-я! (пѣсня смолкаетъ, бабы останавливаются).

Первая баба.

Матрѣшь... ты что-ль?

Голосъ.

Кваску хо-ошь?

Первая баба *(остальнымъ).*

И то испить... Ишь жару Богъ далъ.. *(громче)*—Ид-ду! *(уходитъ направо).*

Вторая баба.

А что, бабоньки, не вздохнуть-ли? У меня ажно сарафанъ прилипъ—таковó грѣть!

Третья баба.

Искупаться-бы таперь—въ самый разъ!

Вторая баба *(съ усмѣшкой).*

А ты подмані рѣчку-то: отошла вишь далѣче!

Четвертая баба.

Въ сарай, касатки! *(смотритъ изъ-подъ руки на лѣво)*—Старосты не видать... Тамотко, по крайности, солнышко не печеть... *(бабы уходятъ направо).*

ЯВЛЕНІЕ II.

ПАРАСКОВЬЯ И СЕРГѢЙ.

Сергѣй *(въ форменномъ кителѣ и фуражкѣ, съ ружьемъ за спиной, изъ-за кустовъ, вполголоса).*

Параша! *(Парасковья быстро оглядывается, потомъ молча, задерживая ходъ, двигается за удаляющимися бабами)*—Параша!.. *(Бабы уходятъ за кулисы; Сергѣй, выскакивая и обнимая Парасковью)*—Красотка моя!

Парасковья *(вырываясь).*

Пустите!.. Народъ тутотка!

Сергѣй *(удерживая её).*

А зачѣмъ вчера не пришла? Вѣдь просилъ я тебя...

Парасковья.

Пошѣ я пойду? (*Высвобождаясь*).—Ну—васъ, правотко!

Сергѣй (*останавливая её за руку*).

Да вѣдь я люблю тебя—пойми!

Парасковья

На погибель на свою идти? Чтобы опослѣ вы-же надо мной надсмѣялись? (*силится высвободить руку*).—Пустите! Право-слово запримѣтятъ!

Сергѣй (*обнимая её и упрямивая*).

Не обману я тебя... Очень ужъ ты мнѣ по сердцу пришлась... И въ городѣ краше тебя не видалъ! (*цѣлуетъ её*)—Ну, милая, приходи сегодня...

Парасковья (*отталкивая его*)

Отстаньте... Что вы въ самъ-дѣлѣ и придумали!

Сергѣй (*удерживая её за руку, нѣжно*).

Я хоть голосъ твой послушаю!

Парасковья.

Чего его слушать: голосъ какъ голосъ... Пустите что-ль?

Сергѣй (*выпуская руку Парасковьи, раздраженно*).

Такъ не придешь?

Парасковья.

Вѣстимо не приду! (*убѣгаетъ*).

Сергѣй (*вслѣдъ*).

Чортъ!! (*грозя кулакомъ*). Постой-же! (*кладетъ ружье и разваливается на стѣнѣ*).

ЯВЛЕНІЕ III.

СЕРГѣЙ и НИКОЛАЙ.

Николай (*съ ружьемъ и флягой черезъ плечо, выходитъ слева*)

А-ль припоздали?

Сергѣй (*закуривая папиросу*)

Нѣтъ, да что толку: крѣпка, треклятая!

Николай (*сидясь около Сергѣя и набивая трубку*)

Мудренова нѣтъ, потому вновѣ... Опасится тоже...

Дунькѣ слопать... Ну вѣдь жилъ съ нею, до самой солдатчины... да еще какъ она по немъ убивалась!—Вотъ лопни мои глаза коли вру!

Сергѣй.

Она теперь здѣсь?

Николай.

Дунька-то?

Сергѣй.

А ну тебя съ твоей Дунькой! Арефьевна?

Николай.

Что что здѣсь... на людяхъ лѣзя развѣ такую матерію заводить? Слухъ сейчасъ подеть.. до тятеньки доведутъ...

Сергѣй.

А что мнѣ тятенька? Онъ теперь ногъ подъ собою не чувствуетъ отъ радости, что сынъ въ офицеры вышелъ!

Николай.

Какой-же вы офицеръ? Нешто вы военный?

Сергѣй (*снимая фуражку*).

Дура! (*показывая на кокарду*). А это что?

Николай.

Апалѣтъ нѣту... Тотъ значить офицеръ, у кого апалеты есть... Это я въ лучшую знаю, потому у барина моего сынокъ изъ Питера наѣзжалъ, при апалетахъ и при саблѣ... А у васъ ихъ нѣту!

Сергѣй.

Колода ты неотесанная! (*Подставляя плечо*). А тутъ что?

Николай.

Прозументы.

Сергѣй (*бразнясь*).

Прозументы!.. Погоны, дуракъ! Тѣже эполеты.

Николай.

Ну нѣтъ-съ... въ барскомъ домѣ жили, то же смекаемъ! Опять-же и сабли у васъ нѣтъ, чтобы значить на ходу гремѣла... Видалъ я у васъ: лучинка какая-то.. все одно что у становаго.

Сергѣй.

Много ты понимаешь!

Николай.

А деньщикъ гдѣ? У офицера завсегда деньщикъ состоитъ...

Сергѣй.

Этого добра у насъ въ управленіи не занимать стать!

Николай.

То сторожа, а не деньщики.

Сергѣй.

По твоему я, пожалуй, и не благородный?

Николай.

Кто говоритъ! А только не офицеръ, потому и сбруя у васъ не та... Тоже вѣдь я приглядѣлся.

Сергѣй.

Ну что съ тобой, болваномъ, толковать... Ты вонъ тятенькой меня пугать вздумалъ!

Николай.

Извѣстно осерчать могутъ...

Сергѣй.

И серчай! Я и ухомъ не поведу, потому разницу понимаю: онъ, хоть и богатъ, а отъ мужика не далеко ушелъ... И разговоръ у него не тотъ, что у меня, и въ головѣ не то... Я—вѣдь не мѣшаю ему мужиковъ обдирать!

Николай.

Вамъ-же на пользу!

Сергѣй.

И онъ мнѣ за дѣвками гоняться запретить не можетъ.

Николай (помолчавъ).

Вы вотъ что, Сергѣй Захаровичъ: въ сумѣрки, какъ съ покосу пойдутъ, встрѣньте Арефьевну у мѣсту, а я съ ней загода обговорю.

Сергѣй.

Ну что-жъ... Валяй! (встаетъ).

Николай (вставая тоже).

Домой, что-ли?

Сергѣй.

Бѣсть захотѣлось... (идетъ; послѣ паузы). Ну, Николаха, сварганишь мнѣ это дѣльцо—важный могоарычъ тебѣ будетъ

Николай.

Будеть наша, вотъ запомните мое слово! (*Уходятъ направо*).

ЯВЛЕНІЕ IV.

МИРОДОВЪ и ТЕРЕНТЬИЧЪ (*входятъ слева*:

Міроѣдовъ, снявъ картузь, обмахивается платкомъ).

Терентъичъ (*забѣжавъ впередъ, устраняетъ изъ стѣны сидѣнье*).

Здѣсь, за солнышкомъ—пожалуйте! (*Міроѣдовъ садится*).
—Чай умаялись? И погоду-же Господь даетъ—на диво! (*усаживается*).

Міроѣдовъ.

Тепло! Прѣешь—словно говядина въ горшкѣ!

Терентъичъ (*подавая клокъ стѣны*).

За то сѣно—гляньте: зеленое-раззеленое! (*нюхаетъ*). А духъ-то: хоть замѣсть чая заваривай!

Міроѣдовъ.

Д-да... сѣнокошъ богатый!

Терентъичъ.

Мокѣевскому лужку, что-вы нонече купили, противъ энтова не быть: обойдя мохъ,—ржавчинка тоже мѣстами пробиваетъ.

Міроѣдовъ.

И со ржавчинкой сойдетъ!

Терентъичъ.

Что говорить: статью эту знатно вы Захаръ Лексѣичъ обработали,—какъ есть въ акуратѣ!

Міроѣдовъ (*поглаживая бороду, самодовольно*).

Ничего таки—живетъ! Таперь этимъ самымъ лужкомъ Троицкіе у меня вотъ гдѣ (*сжимаетъ лѣвый кулакъ*) да и казенныхъ, гоголей-то этихъ, тоже прихватимъ, потому они завсегда съ ними въ долѣ были.

Терентъичъ.

Извѣстно имъ безъ Мокѣевского лужка не жить: первое дѣло—къ самой удвѣринѣ подошелъ, а второе—гдѣ сѣна

взять? Свой-отъ что былъ покось—подъ выгонъ пустили...
Хошь не хошь—бери!

Міроѣдовъ.

На энту-то благодать мы и били!

Терентьичъ.

Глядишь: еще къ нонѣшней осени въ барышѣ будете!

Міроѣдовъ.

Что впередъ гадать... какъ Господь благословить!

Терентьичъ.

И какъ только господинъ продать согласились—диковинное совсѣмъ дѣло! Мужичковъ своихъ они завсегда жалѣли.

Міроѣдовъ.

Никакой диковины тутъ нѣтъ: извѣстно господину пріятнѣе въ одинъ разъ получить толстую пачку, чѣмъ въ нѣсколько строковъ рублями сколачивать. Мелочь сквозь руки уйдетъ, а большой суммой и распорядиться можно.

Терентьичъ.

И много вы тоись супротивъ мужичковъ накинули?

Міроѣдовъ.

Ничего не накинулъ... Ты развѣ ни во что считаешь, что я ему всю сумму полностью предоставилъ? Когда-бы онъ съ мужиковъ получилъ? Въ четыре года да еще съ недонмками?

Терентьичъ.

Оно точно.

Міроѣдовъ.

Опять-же мнѣ вѣсть дали, что барину деньги нужны; выкупные-то ухнулъ, а въ Питерѣ безъ капиталовъ не проживешь: тамъ и за воду денежки отдай. Толкуютъ, будто съ дыму въ скорости подать брать станутъ.

Терентьичъ.

Какъ это съ дыму?

Міроѣдовъ.

А вотъ три у тебя, примѣрно, дыма изъ трубъ валить—чу за три и плати.

Терентьичъ.

А какъ ежели мѣсяцъ у меня три дыма идутъ, а другой—два; за что-жъ я мѣсяцъ пусто платить буду?

Міроѣдовъ.

Счетъ вести будутъ; чиновниковъ такихъ приставятъ.

Терентьичъ.

Ишь-вѣдь до чего дошли! (*Помолчавъ*).—А обижаются мужики.. пуще всего на барина, что отъ покупки ихъ отвелъ. Тоже-вѣдь супротивъ прежняго, таперича съ нихъ больше сойdetь... хошь и работой, а все-жъ...

Міроѣдовъ.

Ну, дѣло это меня не касающее: я денежки отдалъ и волѣнъ своимъ добромъ распоряжаться; не въ убытокъ-же мнѣ пустоніи покупать? Капиталь, что я потратилъ, проценты должонъ мнѣ принести... Энто все одно, что фабрику, примѣрно, строилъ, а-ль въ какое ни на есть дѣло деньги положилъ.

Терентьичъ.

Извѣстно: комерция.

Міроѣдовъ.

А будешь всякова жалѣть да подходящее дѣло изъ рукъ выпускать—такъ до того дойдешь, что въ брюхѣ аукаться можно будетъ! (*хлопая Терентьича по плечу*). Нѣтъ братъ, Терентьичъ, прогори мы съ тобой—никто насъ не пожалѣетъ!

Терентьичъ.

Это что говорить—народъ не жалосливый!

Міроѣдовъ.

Намъ это на руку, что господа имѣнія свои попустили да забросили: мужикъ ближе къ намъ сталъ; а извѣстно отъ кого и нажиться какъ не отъ мужика. Съ барина урвешь разъ—другой, да и шабашъ, а тутъ, хошь по малости, за то всю жизнь собирай,—лишь-бы охоты да умѣнья хватило!

Терентьичъ.

Извѣстно: и работой и другимъ—прочимъ...

Міроѣдовъ.

Мужику отъ земли никоимъ образомъ отойти нельзя; а случись неурожай а-ль падежъ—вотъ онъ нашъ и есть! И настраивай музыку, какъ хошь, лишь-бы мало-мальски по божески было. Потому гдѣ-жъ мужику перехватить? Банки для крестьянства еще не народились, а объ земствѣ и толковать-то не стоитъ: ходи; теряй рабочее время, чтобы гривну получить!

Терентьичъ (*смясь*).

Да еще и гривна-то энта ко мѣ за стойку попадетъ!

Міроѣдовъ.

И самое ей мѣсто! Потому на нее не прокормишься, а-ль скотинку не заведешь. (*За кулисами пѣсня, съ акомпаниментомъ гармоніи*):

„Какъ повадилась Дуняша
Часто по воду ходить,
Лѣли-лѣли, лѣли-лѣли,
Часто по воду ходить“.

„Часто по воду ходить,
Къ Алексѣю за ходить:
Лѣли-лѣли, лѣли-лѣли,
Къ Алексѣю заходить“.

ЯВЛЕНІЕ V.

Тѣ-же и Григорій. (*Григорій выходитъ
справа, напѣвая*:

„Къ Алексѣю заходить,
Алексѣюшку будить;
Лели-лели, лели-лели,
Алексѣюшку будить“...)

Міроѣдовъ.

Чего распѣлся—праздникъ что-ли?

Григорій (*переставая играть*).

Время слободное вышло: за обѣдъ дома сѣли (*снимаетъ шапку*).—Здравствуй Захаръ Лексѣичъ!

Міроѣдовъ.

Люди работаютъ, а ты гармонію на сѣнокося приволокъ!

Григорій.

Страсть моя эфта самая гармоника! Чтѣ я изъ-за неѣ отъ тятки таски прінялъ—и Боже мой!.. А ровно еще лю-бѣе стала! (*слегка наигрываетъ*).

Терентьичъ.

Отпѣтая голова! Въ солдаты-бы тебя!

Григорій.

Въ пѣсельники тогда возьмутъ... Еще, гляди, запѣва-лой буду!

„Шамиль вздумалъ бунтоваться
Въ прошедшіе годы,
Рай-рай, ри-та-тай,
Въ прошедшіе годы“.

Эфто меня Савельичъ обучиль... на Капказѣ солда-
тики пѣли...

Терентьичъ.

Сюда-то зачѣмъ пожаловаль?

Григорій (*переставая играть*).

Дѣло къ тебѣ нашлось... (*отводя Терентьича, знаками
въ сторону*).

Терентьичъ.

А дома меня нѣшто не бываетъ?

Міроѣдовъ.

Выслушай парня-то... Вишь отъ меня хорóнится.

Григорій.

Не то чтобы, Захаръ Лексѣичъ... оборони Богъ! Да ан-
тиресу, значить, для васъ туточка никакова не предвидится.

Міроѣдовъ.

Ну-ну... ладно... Обсказывай!

Григорій (*отводя Терентьича въ сто-
рону, вполголоса*).

Въ селѣ дѣлами энтими займаться не повáдно: раз-
говоръ сичасъ подеть... И то изъ избы сбѣгъ: мать голо-
ситъ, тятка съ кулаками къ рылу лѣзеть...

Терентьичъ.

Это за что-же?

Григорій.

Масло вишь въ соломѣ открылъ, что я про себя зна-
чить припасъ... Ну, вѣстимо, сичасъ безобразничать зачалъ
за возжи...

Терентьичъ.

А ты не таскай!

Григорій.

И радъ-бы, да выпьешь тогда на что? Ты—вонъ въ долгъ
не вѣришь!

Терентьичъ.

Зачни въ долгъ отпущать—пó-міру подешь!

Григорій.

А выннть охота, потому тянетъ!

Терентьичъ.

Квасъ дуй: и дешево и башка трещать не станетъ!

Григорій.

Квасъ! А пошто меня къ водкѣ пріобучилъ?

Терентьичъ.

Ври больне! ужъ коли на энто природы у кого нѣтъ—
въ глотку тому черезъ силу не вольешь! Ну да дѣло-то
въ чемъ?

Григорій *(оглядывается на Миродова
и достаетъ изъ-за пазухи
свертокъ)*.

Дай полштофъ... Тѣточка два ручника. *(Передастъ Те-
рентьичу)*.

Терентьичъ *(становясь спиной къ Ми-
родову и разсматривая
полотенцы)*.

У матери стѣбрилъ?

Григорій.

Печаль не твоя!

Терентьичъ *(кладя свертокъ за пазуху)*.

Косушку—болѣ не стоитъ.

Григорій.

Продать—тридцать копѣекъ дадутъ.

Терентьичъ.

А ты продай—ловокъ больно!

Григорій.

Уважъ Терентьичъ: хонна шкаликъ прикни... Опослѣ
заслужу!

Терентьичъ.

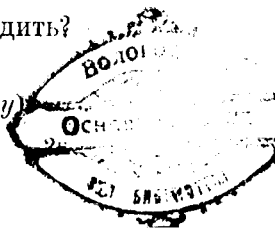
Не подходящее дѣло *(дѣлаетъ видъ, что хочетъ возвра-
тить полотенцы)*.

Григорій.

А... дуй тебя горой! Въ кое-якъ время приходитъ?

Терентьичъ.

Да хонъ въ паужинъ *(отходитъ къ Миродову)*.

Григорій (*кланяясь*).

Прощенья значить просимъ! (*идетъ направо, напѣвая и наигрывая*).

„Миѣ жениться—раззориться,

Стару-бабу взять,
Ай Дунай, мой Дунай,
Ай веселый Дунай“.

„Стару-бабу взять,
На печи еѣ держать,
Ай Дунай, мой Дунай,
Ай веселый Дунай“.

„На печи еѣ держать,
Киселемъ еѣ кормить,
Ай Дунай, мой Дунай,
Ай веселый Дунай“.

ЯВЛЕНІЕ VI.

Мироѣдовъ и Терентьичъ.

Мироѣдовъ.

Чего онъ болтаетъ тебѣ?

Терентьичъ (*махнувъ рукой*).

Извѣстно пѣсня одна: денегъ нѣтъ, а выпить охота.

Мироѣдовъ.

Пустой вовсе парнишка!

Терентьичъ.

Оно точно, да брезговать-то имъ нельзя, потому компанію ко миѣ водить (*смѣясь*), радѣтелей прибавляетъ.

Мироѣдовъ.

Ну, а какъ торговля-то безъ меня шла?

Терентьичъ.

Торговали по маленьку.

Мироѣдовъ.

Не шибко?

Терентьичъ.

Гдѣ ужъ шибко—пора не та... У насъ вѣдь, Захаръ Лексѣевичъ, какъ вы извѣстны, торговля больше подъ закладъ, потому на деньги не много продашь—ихъ совсѣмъ въ умаленіи; ну сами знаете, какіе таперича заклады... Зимъ

няя одѣжа, пудикъ-другой муки да отъ бабъ вешняго бѣленья холсты—вотъ и вся корысть! Это не то, что осенью, когда и хлѣбъ всякій, и ленъ, и масло тащѣтъ—только денежки выкладывай!

Міроѣдовъ (*услѣхаясь*).

Ты значить окромѣ вина и денежками поторговываешь?

Терентьичъ.

Чѣмъ-же семью-то содержать, Захаръ Лексѣичъ? Извѣстно хватаешь гдѣ только лѣзя да можно.. Человѣкъ вѣдь я то же; къ своимъ пристрастіе имѣю... Хочется, чтобы не хуже другихъ—прочихъ были...

Міроѣдовъ.

А ты все-жъ таки памятуй, Терентьичъ, не копи у себя много всякой всячины; чуть соберется поболѣть—ко мнѣ въ амбаръ тащи... А то, храни Богъ, акцизные наѣдутъ—долго-ли до грѣха!

Терентьичъ.

Не извольте беспокоиться: эту статью мы завсегда въ умѣ держимъ.

Міроѣдовъ.

Да и чтобъ вино крѣпкое было; на этомъ потеряешь—на другомъ наживешь—я вѣдь не номѣха. А главное дѣло слухъ, чтобы всюду шель, что въ Троицкомъ водка—первый сортъ. Тогда изъ прочихъ деревень гости будутъ.

Терентьичъ.

И то, благодареніе Богу, заживать начали; пока вы въ Питеръ ѣздили, я—вѣдь тоже не на печіи лежалъ: многихъ отъ назаровскаго питейнаго отвѣдилъ!

Міроѣдовъ (*потирая въ Терентьича по плечу*).

Мастеръ, что и говорить!.. Вотъ ты мнѣ его съ земли сотри—двухъ сотенныхъ тогда не пожалѣю!

Терентьичъ (*недовѣрчиво*).

Хоша-бы сотенной наградили!

Міроѣдовъ (*оживленно*).

Ей-Богу! Такъ двѣ сотенныхъ и отвѣлю!

Терентьичъ.

На томъ благодаримъ... А сдается мнѣ, что назаровскому новѣшняго годика не изжить!

Міроѣдовъ (*дѣловито*).

А только ты то помни, Терентычъ, что коли назаровскій питейный самъ отъ себя въ трубу вылетитъ, а не отъ твоихъ стараній,—я награды тебѣ не дамъ, потому не за что!—(*изъ-за кулисъ слыва выходитъ Климычъ, съ косою на плечъ и, подойдя къ разговаривающимъ, снимаетъ шапку и кланяется*).

ЯВЛЕНІЕ VII.

ТѢ-ЖЕ и Климычъ.

Міроѣдовъ.

Что, другъ любезный, скажешь?

Климычъ.

Да вотъ къ тебѣ Захаръ Лексѣичъ...

Міроѣдовъ.

Коли ко мнѣ говори: послушаемъ.

Климычъ.

Нонѣшнюю вѣсну ты, Захаръ Лексѣичъ, мнѣ полторы четверти ржицы на сѣмяна давалъ...

Міроѣдовъ.

Ну!

Климычъ.

И должонъ я значить, какъ уговоръ былъ, тебѣ послѣ молоченья эфтогъ самый долгъ въ село приставить...

Міроѣдовъ.

Извѣстно.

Климычъ.

Вотъ и пришелъ я къ тебѣ милости просить: пообожди ты на мнѣ Христа-ради! (*кланяется*).—Какъ передъ Богомъ, моченьки моей нѣтутко эфтогъ значить долгъ въ строкъ тебѣ предоставить!

Міроѣдовъ.

Какъ моченьки нѣтъ? А урожай?.. Я—вѣдь тебѣ по христіански, бѣдность твою жалѣючи, пособилъ... на сѣмяна далъ... Ты что-жъ на корню хлѣбъ-то продалъ, а деньги въ кабакъ снесъ?

Климычъ (*безнадежно махая рукой*).

До кабака-ли тутъ! Сами чай извѣстны, что въ силу-бы прокормиться! Семья не малая, а работникъ я одинъ... По-

сѣдній, что были денежки—твоей-же чести отнесъ, рѣнду, значить, за лужокъ... а тутотка съ оброкомъ пристали—какъ быть? Спасибо вотъ Кузьма Терентичъ выручилъ!

Міроѣдовъ (*Терентичу*).

Ты, выходитъ, хлѣбъ-то купилъ?

Терентичъ (*торопливо*).

И, Захаръ Лексѣичъ, да прогадать надо быть: колосомъ плохъ... Я-бы и не польстился, да какъ ему клиномъ пришлось...

Міроѣдовъ (*не слушая Терентича*).

Вотъ и пособляй вамъ! Ну какъ-же послѣ того вѣру вамъ дѣвать?.. Возжился новью отдать, а самъ хлѣбъ немолоченый продалъ! Гдѣ-жъ совѣсть-то твоя?.. А до сѣдыхъ волосъ дожилъ!

Климычъ (*кланяясь*).

Яви ты божескую милость, Захаръ Лексѣичъ! Какъ передъ Истиннымъ, моего тутъ обмана нѣту: одно слово бѣдность одолѣла... И радъ-бы да что подѣлаешь!.. Прижалъ эфто старшина: подай да подай оброкъ—не то корову со двора сведу,—ну и запродай.

Міроѣдовъ.

Ладно... Явлю я тебѣ милость; докелѣва-же ждать?

Климычъ (*переминаясь*).

Кабы, значить, до будущей осени...

Міроѣдовъ.

Энто черезъ годъ-то? Ловко придумалъ!

Климычъ.

А то велишь—по расчету овсомъ доставлю. И—вѣдь, Захаръ Лексѣичъ, не то чтобы...

Міроѣдовъ (*перебивая*).

На кой лядъ мнѣ твой овесъ? И рожь тебѣ давалъ—рожьбу и отдай. Надо, братъ, по божески дѣлать!

Климычъ.

Захаръ Лексѣичъ! Положь ты мнѣ работу за обождаіе,—со всѣмъ моимъ удовольствіемъ!

Міроѣдовъ (*усмѣхаясь*).

Денекъ поборонить, а-ль въ Воскресенье на помощь придти, дароваго вина натрескаться?

Климычъ.

Зачѣмъ Захаръ Лексѣичъ... Положь, что слѣдуетъ... вина моя—мнѣ и въ отвѣтъ быть!

Міроѣдовъ.

Ой только народецъ! Все вамъ поблажай да мирволь! Никакихъ вѣдь съ вами дѣловъ имѣть нельзя, потому совѣсти въ васъ нѣту.. У всякаго честнаго человѣка слово должно быть крѣпкое—тогда, значить, и вѣру ему дать можно, а вы все обманомъ жить ладитесь, на хозяйскую милость уповаете!.. Ты-бы то въ толкъ взялъ: ты мнѣ чужой и я тебѣ не свать; промежь насъ дѣло одно: далъ я тебѣ въ долгъ—отдай, не отдалъ—законъ на это есть.

Климычъ.

Вѣстимо законъ... да ты бѣдность мою уважь, Захаръ Лексѣичъ! Вѣдь, отъ недостатковъ тебя прошая!

Міроѣдовъ.

А недостатки отъ кого? Ты вонъ что робенокъ малый: до старости дожилъ, а жись свою соразмѣрить не можешь... Хоша-бы и таперь: рожь на корню продать, овсомъ мнѣ долгъ заплатить хочешь,—что-жъ у тебя въ сусѣкѣ-то останется? Чѣмъ кормиться будешь, подати платить, мнѣ рѣнду за пахату вносить?

Климычъ (отчаянно).

Горькое наше дѣло, Захаръ Лексѣичъ: дни цѣлые, отъ зорьки до зорьки, работаешь—и никакъ изъ кабалы не выбьешься!

Міроѣдовъ.

На себя пеняйте: не артачьтесь, коли въ брюхѣ пусто, не отбивайте отъ себя заработокъ... И сюда пріѣхалъ—сладу съ вами никакого дать было нельзя: за все двойную цѣну взять хотѣли... Ну и остались безъ работы... Меня-то вы на сотню-другую нагрѣли, а сами въ кабалу влѣзли!

Климычъ.

Глупость все наша, Захаръ Лексѣичъ! (*Міроѣдовъ поднимается*).—Такъ какъ-же ты положишь: овсомъ или работой?

Міроѣдовъ.

Овсомъ не возьму, тебя жалѣючи: что-бы было, значить, тебѣ что продать, семью чѣмъ поддерживать... а двѣ десятинки озимаго, за отсрочку, спашу—и шабашъ!

Климычъ.

За полторы-то четверти?... Смилуйся Захаръ Лексѣичъ!

Мироѣдовъ.

Неволю я тебя развѣ?... Ну долѣгъ плати—мнѣ еще любезнѣ! А только, милый человѣкъ, прислушай: не поладимъ мы съ тобой—бурѣнушку твою въ волостное потянуть! (*Терентичу*).—Идемъ... тутъ разговоровъ и до ночи хватить!

Климычъ (*останавливаясь и кланяясь*).

Уважь, Захаръ Лексѣичъ, скинь полдесятинки... и то въ четыре денька не осилить! (*За кулисами справа приближается хоровая пѣсня*).

Мироѣдовъ.

Сказано, другъ любезный—что топоромъ отрублено! Надумаешь—приходи, какъ зашабашите, роспишешься.

Климычъ (*почесывая затылокъ*).

Прощенья значить просимъ! (*Иходитъ налево*).

Мироѣдовъ (*глядя ему вслѣдъ*).

Жохъ—народъ! (*Двигается направо*).

Терентичъ (*идя слѣдомъ*).

Еще какой жохъ-то!

(*Бабы съ граблями выходятъ справа и проходятъ сцену, напѣвая хоромъ:*)

„Я домой пошла

Не шаталася,

А домой пришла

Пошатнулася:

А домой пришла

Пошатнулася,

За вереюшку

Придержалася“.

„За вереюшку

Придержалася;

Верея-ль моя,

Ты вереюшка!

Верея-ль моя,

Ты вереюшка,

Поддержи меня

Бабу пьяную!“

ДѢЛЕНИЕ VIII.

АРЕФЬЕВНА И НИКОЛАЙ.

Арефьевна (*отставая отъ бабъ и выходя на авансцену*).

Ну какое-такое дѣло?

Николай (*сминаясь*).

Барину-то нашему, изъ холопьяго рода, Параньки захотѣлось!

Арефьевна.

Чудишь, парень!

Николай.

Право—слово! Тыщи, говорить, не пожалѣю, только вынь да положи!.. Гвоздемъ ему сердешному эта блажь въ башку засѣла!.. А вѣдь дѣло, тѣтка, подходящее: могарычъ важный будетъ!

Арефьевна.

А грѣхъ-то Николаха... дѣвку смущать... Вѣдь тутотка все её богатство!

Николай.

Небось не впервые тебѣ... чего лазаря-то поешь? А-ль замятовала Коскентина?

Арефьевна.

Братанѣ-то твоему? Такъ тѣмотко парень вѣнцомъ пахло, да и старанья моего немного было: что пряникъ-то дала...

Николай.

Много-ли, мало-ли, а все дѣвку бабой сдѣлала!

Арефьевна.

Отъ Коскентина и вся корысть-то была: платокъ кумачный; а таперича ты мнѣ деньги сулишь... значить большой грѣхъ мнѣ на душу примать приходится!

Николай.

Грѣхъ! И безъ тебя знаю, что такое дѣло—не Богу свѣчка... А что подѣлаешь, какъ приткнуться некуда!.. Ну меня къ примѣру взять: земли не положено да и не пахарь я, а ка-

кому мастерству я обученъ? Гончихъ порскать, да съ ружьемъ ходить! Этимъ сытъ не будешь, потому псарей нонче не требуется, а ярать тоже, какъ и всякому крещеному, охота!

Арефьевна.

Оно вѣрно: отъ бѣдности на все поденъ, да неповадно какъ-то...

Николай.

Опять-же ты тó въ толкъ возьми: съ нашимъ братомъ даромъ гулять будетъ, потому кровіица свое возьметъ—вѣрно тебѣ говорю.

Арефьевна.

Захаръ Лексѣичъ содомъ подыметъ... ославить...

Николай.

Лексѣичъ! Принцъ какой!—Дура ты! Сына, извѣстно, завсегда покроетъ... Онъ на его мундѣръ не наглядится, потому смекаетъ, что одѣжа эта—барская... Ну, Климычу, побольше отвалить—вотъ и вся недолгá!

Арефьевна (*подумавъ*).

А Параха какъ: сдается?

Николай.

Какъ! Извѣстно кобѣнится! Нѣшто не знаешь ихъ ухватки?... Оттого самого и за тебя взялись... Коли-бы Параха, значить, съ удовольствіемъ—на кой-бы ты намъ лядъ? Могарычъ-то твой въ карманѣ-бы остался!

Арефьевна (*раздумывая*).

Не займовалась я такимъ дѣломъ, Николаха... Тутъ—вѣдь прямо на погибель... вѣнцомъ не подмáнишь...

Николай.

Не займовалась... Потому случая не выходило... А ты и попробуй... Это не то, что парня съ дѣвкой сводить: тамъ гривна, двѣ, не то платокъ—вотъ и могарычъ весь, да еще опасься, чтобы живымъ манеромъ шею тебѣ не накостиляли, а тутъ дѣло—первый сортъ... Наживешь, тѣтка,—отъ сердца тебѣ говорю...

Арефьевна (*вздыхая*).

Охъ грѣхи! И на что только насъ бѣдность не толкаетъ!

Николай.

А ты пусто не причитай... Берись, благо дѣло самѣ въ руки идетъ... съ Парашкой совладаешь, что говорить... Сережка тебѣ все обскажетъ... у моста, какъ зашабашите, ждать будетъ... Только смотри, Арефьевна, цѣны не сбивай: потому если тебѣ рубль—мнѣ полтина; а ужъ коли грѣшить—такъ по крайности, чтобы въ мою пошло! (*идутъ на лѣво*).

Занавѣсъ.

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

Внутренность старой крестьянской избы; напротивъ, подъ полатами дверь, направо, въ глубинѣ сцены, печь, на авансценѣ полка, подъ нею ведра, горшки и прочее. Налѣво, вдоль стѣны, скамья, передъ нею столъ. Парасковья, въ старенькомъ сарафанѣ, раскладываетъ на полкѣ хлѣбъ. Раннее утро.

ЯВЛЕНІЕ I.

Парасковья (укладывая послѣдній хлѣбъ).

Слава Богу, наконецъ-то обрядилась! Охъ житье наше тяжкое!.. Съ утра обрядись, потомъ скотинку выгони, на столъ собери, тамъ цѣлый денекъ въ полѣ работай: свечерѣть—коровку подой, семью накорми—не дожدهшься когда до постели Господь добаться велитъ!.. И кажинный-то денекъ такъ! (*Садится на скамью; послѣ паузы*).—Сегодня праздникъ: въ Дѣдовѣ богомолье... Что народу будетъ!.. И Сергѣй Захарычъ поди гулять пойдетъ! (*Раздумавшись*).—„Краше тебя не выдалъ!“ ономнясь бапль... Болтовство одно... Послушай его—сею минутою честь свою загубишь, а потомъ онъ-же надъ тобой надсмѣется! (*Помолчавъ*).—Да, вотъ и кисни дома... Чтѣ что парни болтають, будто я изъ себя пригожа да на пѣсни горазда, коль выйти не въ чемъ: одно только платьишко и есть да и то все разлѣзшиись... А на другихъ-то—хоша Матрену Назаровскую взять: платьѣ шелковое, головка съ прозументами, бусы янтарныя—ну и показаться не стыдно! Туточка и харя раскрасавицей покажется!.. Да мало-ли ихъ щеголихъ-то! (*Послѣ паузы*).—Поди Сергѣй Захарычъ тоже за дѣвками гоняться будетъ... конфехтами поштовать... Офицеръ, изъ себя бравый,—лестно имъ будетъ!.. Охъ только какая я несчастная зародилась! (*Вздыхаетъ; послѣ паузы*).—И что только мнѣ въ голову лѣзетъ... лукавый путаетъ!..

На батюшку взглянуть—все свое глупое горе запомнюешь! Мучается сердешный на старости лѣтъ, отъ зорьки до зорьки спины не разогнетъ, а все изъ кабалы выбратся не можетъ!.. Лѣгко дѣло эдакую семью прокормить!.. И аспиды-же и Захаръ Лексѣевичъ и Терентичъ: жилы изъ старика тянуть... Тащитъ онъ имъ тѣмъ и сѣмъ—хоша-бы на волосокъ изъ долгу вышелъ! (*По лестницѣ слышатся шаги*).—Ужъ не батюшка ли? Что больно рано? (*Встаетъ и идетъ къ двери*).

ЯВЛЕНІЕ II.

ПАРАСКОВЬЯ И АРИША.

Ариша (*входитъ въ нестромъ шелковомъ платьѣ, мантильѣ, платочкѣ на головѣ и бѣлыхъ, вязаныхъ перчаткахъ*).

Это я Параня.

Парасковья (*здороваясь*).

Здравствуй Ариша... Въ Дѣдово собралась?

Ариша.

Да; икону-вѣдь нонече тамотко поднимають... Ты не пойдешь развѣ?

Парасковья.

Нѣтъ... выдти не въ чѣмъ...

Ариша (*сидясь и оправляясь*).

Жаль, Параня, а веселье большое надо быть будетъ: народу пошло туды—страсть! Праздникъ-отъ пивной!

Парасковья (*оглядывая еѣ*).

И вырядилась-же ты, Ариша: щеголиха—одно слово!

Ариша.

А вотъ осенью батюшка сулился мнѣ, какъ только заклады продасть,—безпремѣнно платьѣ шелковое купить синее съ букетомъ.

Парасковья (*сидясь*).

Да у тебя и безъ того одѣжки за глаза....

Ариша.

Охота есть—пушай покупаетъ.

Парасковья.

Вѣстимо: попало съ мужиковъ—для-че и не купить!

Ариша.

Оно правда: у батюшки денегъ куча... Что ему тапе-рича энтаго хлѣба, льна, холста натаסקаютъ; не все-якъ Захару Лексѣичу предоставляетъ!

Парасковья.

Да и глупо-бы было! А твой отецъ охулки на руку не положить!

Ариша (*помолчавъ*).

О святкахъ въ городъ поѣду; тѣтка безпримѣнно нача-зала привозить: женихъ вишь мнѣ выискался—офицеръ... Мон-то промежь себя рѣчь вели—я и выслушала.

Парасковья.

Офицеръ?

Ариша.

Не то чтобы настоящій, съ апалетами,—въ скорости только будетъ, а теперь тоже тѣтотка (*показывая на плечо*) прозументы... и на воротникъ... Съ боку сабелька болтается... Въ палиціи служить...

Парасковья.

А изъ себя какъ?

Ариша.

Нешто, мужчина бравый, усы колечками, глаза такъ-вотъ изо лба и лѣзутъ!

Парасковья.

Ты гдѣ-жъ его высмотрѣла?

Ариша.

У матушки патреть присланъ; да мнѣ онъ Параня, не по мысли, женихъ энтотъ.

Парасковья.

Ну!

Ариша.

Прáвотко! Въ губернію поѣду, потому супротивъ родителей не пойдешь, а только не по мысли онъ мнѣ хоть что хощь!

Парасковья.

Для-че не ѣхать: въ губерніи весело тебѣ будетъ!

Ариша.

Изъ-за того только и поѣду; потому, перво на перво, что гостинцевъ пріѣмъ... Потомъ въ кіятръ отпрошусь: та-мотка, бають, любовь представляютъ... занятно надо быть! (*Смотритъ себѣ на ногу; послѣ паузы*).—Да еще можетъ-быть башмаки козловые заведу; давно охота... Нонче, бають, все высокіе пошли...

ЯВЛЕНІЕ III.

ТѢ-ЖЕ и Николай.

Николай (*пріотворяя дверь*).

А! (*Входитъ*) Арина Кузьминишна, Парашенька—наше вамъ! (*Подноситъ Арина тюрникъ*). Позвольте уважить... (*Арина беретъ тюрникъ*).

Парасковья.

Ты что, имянинникъ что-ли будешь?

Николай (*таинственно*).

Это не отъ меня... препоручено только.

Ариша (*развертывая тюрникъ*).

Отъ кого-же?

Николай.

Помалкивать наказано.

Парасковья.

Ишь-ты! Не отъ салтана-ли турецкаго?

Николай.

Поближе маненько будетъ... такъ эдакъ, чуточку! (*Парасковья задумывается; Николай слѣдитъ за нею*).

Ариша.

Обсказать толкомъ не охота—и не надоть! Леденцы слаше отъ того не будутъ!—(*Достаетъ нѣсколько конфетъ и подаетъ Парасковью, та отнѣживается*).—А-ль не хошь?

Парасковья.

Нѣтутко... Оставь про себя!

Николай.

Что такъ?.. Конфехты важныя, въ городѣ куплены... У каждой—стихъ пропечатанъ... (*Беретъ нѣсколько леденцовъ*).

и отрываетъ одинъ ярлычекъ). Вотъ къ примѣру... (*читаетъ по складамъ*).

„И нѣжно ластился онъ къ ней,
„Какъ самый страстный воробей!“

Развертывая другой:

„Мнѣ поцѣлуй моей красотки
„Дороже денегъ, слаще водки!“

Важно, шутъ-де дери! (*Ариша смѣется; Николай читаетъ новый ярлыкъ*).—А энтотъ еще забористѣе:

„Чтобъ съ нею вѣкъ весь свой прожить—

„Готовъ сичасъ себя убить!“

Парашинька! Что не веселы?

Парасковья.

Не надрывать-ли мнѣ велишь? Ничего занятнаго въ моемъ печатномъ нѣтуток!

Николай (*въ сторону*).

Клюеть! (*Громко*).—Какъ кому. А мѣже Аринѣ Кузьми-
нишнѣ и занятно покажется. (*Вопросительно смотритъ на Аришу*).

Ариша.

Не што... слова какъ въ пѣснѣ подобраны... И жалостливо и все такое...

Николай (*помолчавъ*).

А у насъ нонче новый гость на богомольѣ будетъ...

Ариша.

Сергѣй Захарычъ...

Парасковья (*быстро*).

А ты почемъ знаешь?

Ариша.

Кому-жъ опричь его быть? Парнемъ насъ не удивишь: на десять верстъ всѣ извѣстны!

Парасковья (*сдерживаясь*).

И то... я и запомнявала...

Николай (*въ сторону*).

Важно забираетъ! Арефьевнѣ отлепортовать надо (*громко*).—А ты что-жъ, Парасковья Андревна, не собираешься развѣ? Пора-бы тогда и одѣжу смѣнить.

Парасковья.

Смѣнить не на что! Платье, что было, Кузьма Терентичъ за долгъ отобралъ.. Пусть на здоровье съ барышемъ продастъ, а я ужъ дома посижу.

Ариша *(вставая съ неудовольствиемъ)*.

Ну добро, я пойду—поди матушка дожидается... Прости Параня! *(цѣлуются холодно)*.

Николай.

И я слѣдомъ... Кой-что вамъ, Арина Кузьминична, дорогой повѣдаю. Прощай Паранчикъ! *(Уходятъ; Парасковья, молча, смотритъ имъ вслѣдъ)*.

ЯВЛЕНІЕ IV.

Парасковья *(одна)*.

Онъ его подослалъ... Безъ сумѣнья... и конфехты Аришкѣ отъ него: дома неповадно было—сюда пожаловалъ... Вѣсть вишь надо было дать что на богомолье тотъ подеть... Спѣлись надо быть... по согласію, а нѣтъ—дорогой поладятъ... *(Помолчавъ)*.—А поглядѣть: воды не замутишь... и рѣчи только что объ одѣжѣ да о губерніи... Ловкія концы хоронить! Да не совѣмъ: женихомъ обойти меня ладилась... не по мысли вишь ей!.. Охъ, кажись дорого-бы дала въ Дѣдово сходить! Натѣшилась бы на ихъ глядя! *(Послѣ паузы)*.—И чего я только ахинею эту несу?.. Ну, въ добрый часъ... совѣтъ да любовь! Ничего такого антиреснаго нѣтутко: страмъ одинъ... Будь охота—давно-бы мой былъ... не даромъ меня онъ, ровно зайца, выслѣживалъ... Встрѣнетъ—какими только словами не величаетъ... смотритъ таковѣ ласково, а глазищи большущіе, такіе славные, пнда въ душу заглядываютъ... Отвелъ Богъ—и ладно... У батюшки и безъ меня горя не исчернаешь... *(Послѣ паузы)*.—Колі-бы по закону за себя взять—ну особъ-статья... Чтѣ что офицеръ: господа, почище его, да крѣпостныхъ своихъ, бають, за себя брали, а отецъ его хошѣ и купецъ, а чѣмъ отъ мужика ушелъ? Что казны-то много?.. *(подумавъ)*.—А мѣже онъ и въ самъ-дѣлѣ къ Аришкѣ-то въ сурьезъ подбивается?

Вѣдь Терентычъ богатъ... опять-же правая рука Захара Лексѣича... (*Задумывается*).

ЯВЛЕНІЕ V.

ПАРАСКОВЬЯ И АРЕФЬЕВНА.

Арефьевна (*входя*).

Здравствуй Паранюшка.

Парасковья (*вставая*).

Здравствуй Палагея Арефьевна.

Арефьевна (*оглядываясь*).

А отца нѣтутко?

Парасковья.

Въ правленіе побѣгъ... старшина придти наказывалъ. Садись тѣтушка... Поѣсть не хошь-ли?

Арефьевна (*сидясь*).

Спасибо Параня—не охота... Но что отца-то требовали?

Парасковья (*сидясь*).

Неизвѣстна я, тетушка.

Арефьевна.

Поди разысканье опять... Охъ, бѣдное ваше житіе, Параня!

Парасковья.

Да, тетушка, достатки небольшіе! Бьемся-бьемся, а все въ крѣпость больше да больше лѣземъ! Какъ только ноябрьскую зиму Богъ прокормится велить!

Арефьевна.

Подспорье еще Климычу что ты у него есть: что дѣла-то въ день-денской передѣлаешь! Въ глаза и за глаза скажу: добрая ты дѣвка, Параня,—работящая!

Парасковья.

Что-жъ бы я, тетушка, за дочь своему отцу была, кабы на печи лежала да глупостями займовалась? Вѣдь иной разъ слеза прошибетъ—на старика гляючи, какъ онъ изъ-за бѣдности нашей убивается!

Арефьевна.

Женишка-бы тебѣ Богъ послалъ, съ достаткомъ... Тогда

и отцу-бы помощь смогла оказать, пріуспокоила-бы его на старости лѣтъ...

Парасковья.

Гдѣ ужъ мнѣ о такихъ женихахъ мыслить! Кому я, эндакая отрепанная, нужна? Бобыль рази какой возьметъ, да и тотъ напрежъ погадаетъ!

Арефьевна.

Ты-вѣдь въ Дѣдово не поделешь—значить и посидѣть у тебя можно?

Парасковья.

Идти, тѣтушка, не въ чемъ: сорочки праздничной и той нѣтутко! Кое и было добро—Терентычъ къ себѣ перетаскалъ!

Арефьевна.

Жалость, какъ погляжу я на тебя, Параня, одно слово—жалость беретъ! Такая ты изъ себя красивая да пригожая, на пѣсни тоже горадая, а все одна да одна въ горенкѣ возишься!.. Ну хотя Аришку къ примѣру взять: куды она передъ тобой? А пѣва-пѣвой сегодня вырядилась... Знать Сергѣя Захарыча подцѣпить охота!

Парасковья (*съ легкимъ волненіемъ*).

Мудренаго нѣтутко: дѣвка она видная, шустрая... Опять-же богатая... Може Сергѣй Захарычъ и за себя еѣ возьметъ...

Арефьевна.

Ну эфто ты огородъ городишь!

Парасковья.

Длѣя-че нѣтъ? Что офицеромъ его сдѣлали?.. А нѣшто купецкія дѣти мѣщанокъ за себя не берутъ?

Арефьевна.

Не про то я баю... може Аришка и впрямь будетъ его къ себѣ манить, да у парня на умѣ-то не то...

Парасковья.

Ты почему знаешь?

Арефьевна.

Молчи уже (*живая головой*)—знаю! (*Таинственно*).—Сергѣю Захарычу другая по мысли... (*Парасковья потупляется*)..—И ужъ любить-же онъ, жалѣетъ еѣ—страсть!

Парасковья.

На здоровье!

Арефьевна.

А ты небось и не вѣдаешь кто энта краля прикрасная?

Парасковья.

Гдѣ-жъ про ихнія дѣла извѣстной быть!

Арефьевна (*грозя ей пальцемъ*).

Ой, не проведешь старуху,—знаешь! Оченно довольно хорошо знаешь! (*Парасковья молча перебираетъ передникъ*).— Полно таиться-то... Прислушай лучше... Вѣдь Сергѣй Захарычъ чуть что на стѣну не лѣзетъ! Околдовала, баить, меня Параха въ лучшую!

Парасковья (*задумчиво*).

Погибели ему моей охота!

Арефьевна.

Дурочка! О погибели-ли тутотка рѣчь когда у парня слѣзы въ глазахъ... Все-то сердечушко, баить, по ней изныло, а она словечка ласковаго молвить не хочетъ!

Парасковья.

Потому са́мому и не молвлю что нѣпошто.

Арефьевна.

Ты тó, Параня, въ толкъ возьми что тебѣ только руку протянуть—и все будетъ: и одѣжа и деньги. Отца-то своего какъ успокоишь! Не станетъ ужъ онъ, сердешный, изъ силъ выбиваться чтобы прокормить васъ... Опять-же долги всѣ Сергѣй Захарычъ похѣритъ...

Парасковья.

Наврядъ батюшка согласенъ будетъ дочь свою продать... потому это все одно выходить... Да и я, тетушка, коли правду молвить, ужъ скорѣе отъ сердца отъ своихъ погибель приму, чѣмъ за деньги молодость свою отдамъ.

Арефьевна.

Да кто тебѣ про деньги поминаетъ? Гдѣ тебѣ продажа чудится? Вѣстимо всякому лестно свою красавушку въ хорошей одѣжѣ видѣть, да чтобы она по отцовской бѣдности не убивалась. Ты къ нему душой—и онъ, знамо дѣло, потрафляетъ чтобы и тебѣ и сродственникамъ твоимъ ладно да хорошо было. (*Послѣ паузы*).—Ты тó помысли только:

одѣнешь ты сарафанъ шолковый, шубку бархатную, въ уши вдѣнешь серьги золотыя—Аришка со злости лопнетъ!

Парасковья.

Зло-то ихъ разбереть—точно, да и мнѣ, тѣтушка, страму будетъ не обратиться: разъ что ворота безпримѣнно дегтемъ вымажутъ, а и пальцемъ указывать станутъ!

Арефьевна.

Пустое несешь: може въ другомъ мѣстѣ оно и такъ, а у насъ, Параня, порядковъ этихъ нѣтутко, потому у всякаго только и помыслу какъ-бы гдѣ урвать чтобы съ голоду не поколѣтъ! Страмить тебя никто не станетъ, потому изъ-за нужды мы и стыдъ свой растеряли; вотъ рѣзи зависть... и то, Параня, втихомолку, потому передъ богатымъ всякій больше ползкомъ наровить!

Парасковья.

Сергѣй Захарычъ може теперь и заправду меня жалѣть, а мѣсяцъ—другой продеть—опостытѣю я ему... „не надо“ скажетъ „мнѣ тебя“—слезами тогда обливайся?.. Нѣтъ, тѣтушка, лучше и не пробовать!

Арефьевна.

А вотъ Аришка отобьетъ его у тебя—такъ и будешь знать... И то конфликты ужъ засылать началъ!

Парасковья.

Такъ этотъ гостинецъ отъ него?

Арефьевна.

А то отъ кого-же?.. *(Прислушиваясь)*.—Ровно идетъ кто-то...

Парасковья.

Батюшка надо быть. *(Встаетъ и идетъ къ двери. Входитъ Климычъ, крайне озабоченный и растерянный)*.

ЯВЛЕНИЕ VI.

ТѢ-ЖЕ и Климычъ.

Арефьевна.

Здравствуй Климычъ,—пошлѣ требовали?

Климычъ *(бросая на столъ шапку)*.

Плохо, Арефьевна: заѣли все! *(Садится на лавку и подпираетъ голову руками)*.

Парасковья.

Поѣсть тебѣ, родимый, не собрать-ли?

Климычъ.

Не до ѣды, Параша: стегать отца твою ладятся—
вотъ что!

Парасковья (*всплескивая руками*).

Царица небесная!

Арефьевна.

За что такъ?

Климычъ.

Недоимка на мнѣ вишь казенная состоитъ,—ну подай, баютъ! Еле-еле старшину укланялъ чтобы недѣлю обождалъ, не стегалъ... Лёгко рѣзи, за господами былъ такова грѣха не видѣлъ, а тутотка вдругъ на старости лѣтъ!.. Вѣстимо на поклонъ писарю принести сулился...—Ну гдѣ я таперича денегъ раздобуду? Недѣля—строкъ не великъ... Охъ, согрѣшилъ я грѣшный! (*Пауза*).—Какъ передъ Богомъ, тутъ ума рѣшиться можно: работѣешь-работѣешь, платишь и туды и сюды—и хоша-бы единый разъ кусокъ хлѣба, безъ слѣзъ, въ глотку вошолъ! (*Встаетъ*).—Охъ доля ты наша, горемычная! Знать и взаправду съ бурѣнкой разставаться придется! (*Беретъ шапку*). Чѣмъ только малыхъ дѣтей прокормить Богъ велитъ! (*Идетъ къ двери*).

Арефьевна,

Климычъ! (*Климычъ останавливается*). Попрошай ты Захаръ Лексѣича—мѣже и пособить онъ тебѣ.

Климычъ.

Пособить-то онъ може и посѣбитъ, да онослѣ кровь твою пить станетъ! Отъ кого мы и погибель-то примасемъ какъ не отъ него да отъ Терентыча! Они тебѣ рупь, а ты три отдай, да еще кланяйся, потому они благодѣтелями да кормильцами нашими себя величаютъ! Ровно нечисть какая, всего тебя кругомъ обойдутъ! Побьешься-побьешься, а все къ нимъ придешь, потому сунуться, окромя ихъ, некуда!

Арефьевна.

Ну, коль Лексѣичъ тебѣ не по здраву,—молодого попросай: онъ, баютъ, не старику чета.

Парасковья (*дергая Арефьевну за полу, вполголоса*).

Тётушка!

Климычъ.

Посóбить, думаешь?

Арефьевна.

Дя́-че не посóбить? Онъ не кулакъ, потому съ господами кампанію водить; опять-же отецъ на него не скупится, — ну что ему четвертную выкинуть! А у тебя, по крайности, бурёнка цѣла будетъ!

Климычъ.

А какъ ему процéнтъ платить?.. Работой онъ не возьметъ, потому она ему не надоть.

Арефьевна.

Ой, голова! Да на кой лядъ ему гроши твои?.. Нѣшто займется онъ э́тимъ? Коли дасть—такъ, вѣстимо, чтобы бариномъ себя показать.

Парасковья.

Батюшка! Не ходи ты къ нему... Лучше въ Назарово толкнись... Сладишь коли съ кѣмъ—по крайности тутъ-же и по рукамъ ударишь: тѣ—бурёнку, онъ тебѣ—денежки!

Климычъ.

Паранька! А лё́гко нѣшто послѣднюю коровенку со двора вести?.. Тогда и вовсе съ голоду подохнешь!

Арефьевна.

Вѣстимо, чего ужъ!—Иди-ка, Климычъ, благословясь... може Господь и пошлетъ милости!

Парасковья (*вставая, горячо*).

Батюшка, не ходи... Оставь ты Сергѣя Захарыча! Возьми одѣжу мою, какая есть, полущубокъ... снеси Терентьичу... Теперь жарко...

Климычъ.

Да ты чево, глупая? Что тебѣ Сергѣй Захарычъ поперекъ горла сталь?

Парасковья.

Ничего онъ мяѣ не всталъ, а только не прискучило ра́зи тебѣ возжаться съ ними?

Климычъ (*рѣшительно*).

Ну, тамъ видно будетъ... (*быстро уходитъ*).

ЯВЛЕНИЕ VII.

ПАРАСКОВЬЯ И АРЕФЬЕВНА.

Парасковья.

Пошлѣ ты батюшку къ Сергѣю Захарычу идти смутила? Хорошее рѣзи это дѣло?

Арефьевна.

А чѣмъ худое?

Парасковья (*сидясь*).

Сама бабла; Сергѣю Захарычу любви моей охота, а ты отца къ нему за деньгами посылаешь! Да мнѣ таперича и взглянуть на него не въ мочь!

Арефьевна.

Дурочка! А ты то почувствуй, каково отцу будетъ какъ его на старости лѣтъ стегать, да еще принародно, зачнуть! (*Парасковья опускаетъ голову*).—А и отдѣлается онъ, продастъ корову—что вѣсть-то станете? Вѣдь у тебя, Параня, двое братовой маленькихъ... объ нихъ тоже помыслить надо!.. Да и важность велика, что отецъ Сергѣя Захарыча попрошайтъ; нѣшто взойдетъ ему на умъ что ты про то извѣстна? (*Длинная пауза*).—Параня!

Парасковья.

Что тѣтушка?

Арефьевна (*съ улыбкой*).

А вѣдь Сергѣй-то Захарычъ тебѣ по мысли,—по всему примѣчаю! (*Парасковья потупляется*).—Смотри, счастье свое не опусти! Другимъ чтобъ не досталось!.. Мужчина терпѣть-терпѣть, да коли ему все спину воротятъ—живымъ манеромъ на другую кинется!.. Поди, таперь, Аришка какія колѣнца откалываетъ!

Парасковья (*съ волненіемъ*).

Ну и пушай!

Арефьевна.

Ты-бы хоть единова потолковала съ нимъ... Увидала-бы сама что онъ за человѣкъ есть и какое къ тебѣ чувствіе имѣеть... Вѣстимо на сѣнокосѣ али въ селѣ—не гоже—ну на задворкахъ что-ли...

Парасковья (*стыдливо*).

Бѣязно тѣтушка.

Арефьевна.

Дурочка ты эдакая: да чего боязно-то? Никто и не за-
примѣтитъ, работа хошѣ кого сморѣтъ,—сонъ у всѣхъ
крѣпкій...

Парасковья (*молчитъ, потомъ какъ-бы
пересиливая себя*).

Правду молвить: боязно мнѣ свидѣться съ нимъ, по-
тому въ сердцѣ своемъ я не властна!

Арефьевна.

Ну потолкуете и разоидетесь.

Парасковья.

Нѣтъ! Чуется мнѣ что заговори онъ—такъ тутотко и
душенькой своей я рѣшусь! А энто все одно, тѣтушка, что
прямо на погибель идтить!

Арефьевна (*таинственно*).

Ты мѣже чего опѣсишься?

Парасковья.

Мнѣ странно что натѣшится онъ, да опослѣ въ шею
меня вытолкаетъ!—Нѣтъ-нѣтъ, тѣтушка, покинь это, не со-
мушай! (*Задумывается*).

Арефьевна (*въ сторону*).

Крѣпка дѣвка! Надо понажѣть... Охъ, грѣхъ тяжкій!
(*Громя*).—Ну слушай Параня, не опасься: тебя Сергѣй За-
харычъ за себя взять хочетъ!

Парасковья (*быстро поднимая голову*).

Ой-ли? Не сомущаешь?

Арефьевна.

Пэсуши меня Господь, коли вру!

Парасковья (*порывисто*).

Онъ тебѣ сказать?.. Самъ бнѣ?

Арефьевна.

А то кто-же?

Парасковья.

И не подвохъ это чтобы меня погубить?.. Смотри, тѣ-
тушка, великъ ты тогда грѣхъ на душу применишь!

Арефьевна.

Полно чудить-то!

Парасковья.

Пошлѣ-же ты до сей поры молчала, мучила меня?

Арефьевна.

Вывѣдать было надо, коль велика́ любовь твоя... Вѣдь не шутки шутить—подъ вѣнецъ идти!

Парасковья (*задумывается; послѣ паузы*).

Ой да все это пустое: може Сергѣй Захарычъ и отъ сердца... да батюшка-то его... Ну что ему за корысть такую бѣдноту въ невѣстки брать?.. Не допустить онъ... ни въ жисть!

Арефьевна.

А красоту-то свою ты ни во что ставишь? (*Парасковья потупляется*).—Да такой красавушки поискать!.. Опять-же Сергѣй Захарычъ, танерь какъ въ господа его пожаловали, изъ отца своихъ веревки вить можетъ, потому Захаръ Лексѣичъ на него не надышется... Изъ мужиковъ да въ оффицеры—поразжуй-ка ты эфто!.. Опять-же сынокъ единственный.

Парасковья.

Барышню можетъ за себя взять, съ деньгами...

Арефьевна.

Чудная ты! Ну какая барышня, коли она настоящая. за мужицкаго сына подеть?.. А деньги ему на что? Своей казны вдосталь... (*Встаетъ*).—Вотъ что Параня: завтра старикъ-отъ въ городъ отъѣзжаетъ... идемъ что-ли?

Парасковья (*тревожно*).

Куда?

Арефьевна.

Повидаться съ Сергѣемъ Захарычемъ...

Парасковья (*стыдливо*).

Боязно тѣтушка...

Арефьевна.

Заладила одно да одно: боязно! Счастье свое обѣгаешь!

Парасковья.

Ну какъ я къ нему приду? Стыда не обратиться!

Арефьевна.

Пустое! Первый только разъ показываетъ будто что опасно, а опослѣ сама побѣжишь!.. Вѣдь онъ сохнетъ по тебѣ, царень-то!

Парасковья.

Ужъ и незнаю прѣвотко...

Арефьевна.

Добро прощай—въ сумѣрки понавѣдаюсь. (*Уходитъ; Парасковья сидитъ задумавшись и подпираетъ рукой*).

ЯВЛЕНІЕ VIII.

ПАРАСКОВЬЯ (*одна*).

Парасковья (*одна, выходя изъ задумчивости и опуская руку*).

Не бывать мнѣ за нимъ—не допустить!.. Да и что во мнѣ такое есть... что я сѹпротивъ его буду?.. А тянетъ сердечушко къ нему... ровно судьба такая мнѣ написана! (*Страстно*).—Охъ только, желанный мой! Не покинь ты меня на горе лютое, людямъ на посмѣяніе!.. Не казны мнѣ твоей надоть, не одѣжи богатой!.. Приголубь ты меня словомъ ласковымъ, золотое твое сердечушко мнѣ полностью отдай!

Занавѣсъ.

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

Слѣва огороженный хмѣльникъ; возлѣ него костеръ изъ бревенъ. Справа крестьянскій овинъ съ крытымъ гумномъ. Въ глубинѣ сцены гряды съ овощами. При поднятіи занавѣса, на бревнахъ и около сидятъ нѣсколько мужиковъ. Сумерки.

ЯВЛЕНІЕ I.

Прокопій, старикъ и нѣсколько мужиковъ.

1-й мужикъ.

Ну что, Капитонъ, былъ тамотко?

2-й мужикъ.

Съ Михѣичемъ ходилъ... Таковѣ, баютъ, ласково ихъ принялъ.

Старикъ.

На счетъ дѣла-то какъ?

2-й мужикъ.

А что до дѣла—такъ только плюнуть да растереть!

3-й мужикъ.

Не укланяли, значить, на отсрочку?

2-й мужикъ.

Отсрочку-то далъ, да такую имъ загвоздку пустилъ что тѣ только рты поразѣли!

1-й мужикъ.

Н-ну!

2-й мужикъ.

Право-слово! Дядя Капитонъ такъ Захаръ Лексѣичу обсказывалъ какъ на міру положили: чтобы рѣнду за пахоту до самага, значить, до молоченья отсрочить, потому гдѣ-жъ таперича полторы сотни добыть—возможности нѣту!

3-й мужикъ.

А кто велѣлъ на Петровъ день рѣндой обвязываться? Баилъ я вамъ въ тѣ-поры... Последній парнишка и тотъ

извѣстенъ что въ эфто время помогѣ Богъ только оброки
сколотить, а не другое что...

4-й мужикъ.

Ишь, тебя не спрашали! На-ко умникъ какой выне-
кался!.. Да нѣшто міръ глупѣе тебя?

3-й мужикъ.

А коли знали такъ пошлѣ строкъ такой неподходящій
приняли?

Прокопій.

Но неволѣ примешь, какъ о другомъ Захаръ Лексѣичъ
и слышать не хотѣлъ! Строкъ ему энтотъ на руку, потому
извѣстенъ онъ что какъ время подойдетъ—такъ безпримѣн-
но объ отерочкѣ просить будутъ, а тутотка онъ насъ и
прижметъ... Небось, смекаетъ тоже, въ лучшемъ видѣ, что
съ надѣломъ нашимъ далекѣ не уѣдешь и безъ пахоты безъ
этой намъ не прожить!

Старикъ.

Да ну васъ съ разговоромъ вашимъ... Обсказывай
Пармень дѣло-то...

2-й мужикъ.

Вотъ только, братцы мои, какъ помянулъ дядя Капи-
тонъ про денежки-то,—Захаръ Лексѣичъ и бантъ ему:
„какъ полторы сотни? Двѣсти рублевъ вы обвязались
платить!“

Старикъ.

Откуда-жъ онъ эфто взялъ?

1-й мужикъ.

Ахъ лѣпшій-те дерѣ!

2-й мужикъ.

А вотъ спроси!.. Двѣсти рублевъ я, бантъ, и въ та-поры
за пахоту клалъ: на томъ и міръ положился...

Прокопій.

Что-жъ Капитонъ-то?

2-й мужикъ.

Вѣстимо свое отстанвалъ, да ничего не подѣлалъ;
такъ ходки наши на сухихъ и отѣхали... Одинъ барышъ
что Лексѣичъ ихъ мошенниками обозвалъ!

3-й мужикъ.

Что-жь нѣшто управы на эндакого лѣшаго нѣтутко?.. Къ мировому его! Пошті-жь міръ лишнихъ пятьдесятъ рублей платить будетъ?

2-й мужикъ.

Ловокъ ты больно, какъ погляжу! А что мировому-то ты приставишь? Кантрахть что-ли какой у міра имѣется, а-ль другая какая бумага? Лексѣичъ, другъ любезный, на чистоту дѣла веришть, не нашему брату тягаться съ нимъ.

3-й мужикъ.

Пошті бумагой не запаслсь?

Прокопій.

А ты приневоля Лексѣича дать-то её, да опосля и бай! И безъ бумаги пахоту, возьмешь, коль другой нѣтутко, а своей землей не прокормишь!

3-й мужикъ.

Не платить ему вовсе—пуцай жалуется! Еще когда-то получить, да и много-ли!

4-й мужикъ.

Форсиеть ты, что ужъ... и скорѣхонько придумалъ какъ! Одна бѣда, милый человѣкъ, что не съ тобой, а съ Захаромъ Лексѣичемъ мы дѣло имѣемъ!

3-й мужикъ.

Что-жь онъ, енераль что-ли какой?

2-й мужикъ.

Не енераль онъ, а для насъ почище любова енерала будетъ! Онъ вотъ пѣсенку какую ходокамъ нашимъ пропѣлъ: „строкъ вамъ до Покровѣ я отодвину; за ожиданіе —пять десятинь ржи выжать и обо всемъ эфтомъ сичасъ кантрахть въ волости написать. Коли вы, багтъ, заартачитесь, рукъ не приложите—какъ рожь поспѣетъ, все ваше рендованное поле, своими рабочими, про себя выжну!“

3-й мужикъ.

Жирно будетъ!

Прокопій.

Льзя рази такъ-то?

1-й мужикъ.

Вѣдь эфто, братцы, разбой выходить!

2-й мужикъ.

И выжнеть, робятушки, и ни синь-пороху съ него вы не стребуете, потому поди доказывай, что земля въ ренду нами взята!

3-й мужикъ.

И выходить, значить, что мы таперича почище крѣпостныхъ будемъ!

Прокопій.

Знать, парень, доля ужъ наша такая: отъ господъ отошли—кулакамъ въ лапы попали!

Старикъ.

И лапы тѣ, Проня, почище господскихъ будутъ: въ прежнее время помѣщикъ, хошѣ и для своей пользы, а берегъ насъ, смотрѣлъ чтобы мужикъ не бѣднятъ... пособия разныя давалъ... А таперича какой-нибудь міроѣдъ Лексѣичъ а-ль Терентычъ—чего имъ насъ жалѣтъ? Пьютъ нашу кровь пока лъзя да можно, а опосля на другое мѣсто переберутся! Такъ-то, братцы мои!

Прокопій (послѣ паузы).

Таперича, кабакъ къ примѣру... что онъ намъ горя приносить!

1-й мужикъ (перебивая).

И вѣдь не выживешь его ни коимъ способомъ! Все меньше-бы безобразія было да раззора было когда-бы, хошѣ версты на двѣ, его отодвинуть, а то тѣютка передъ самымъ носомъ торчить. Иной разъ—про себя молвлю, и въ мысляхъ кажись о выпивкѣ нѣту, а наткнулся на ёлку—глядишь: косушку и раздавилъ!

2-й мужикъ.

О питейномъ бантъ ужъ что: на барской землѣ стоитъ—значить тамъ ему и стоять, покелѣва Лексѣичъ его не снесетъ.

Старикъ.

А я вамъ, братцы, вотъ что объясню: не столько пропьешь, сколько на закладахъ да на процентахъ міроѣдамъ оставишь... Вы гляньте-ка: до чего мы дожили! Мужики хлѣбъ, другое-прочее въ закладъ несутъ, потому надо оброкъ, подушныя, ренду вносить, тоже иной разъ и выпить охота, а денежекъ въ мошнѣ нѣтутко; баба—холсты, лёнъ

тащить, потому её платочкомъ а-ль чайкомъ манять, а бываетъ и сладкой водочкой... Парнямъ и подавно погулять охота, коли есть добрые люди, ворованное примаютъ... Раззоръ, робятушки, раззоръ вовсе!

2-й мужикъ.

А не пора-ли по домамъ... Зорька погасла... Завтра ранімъ-рано вставать надоть: ведро Богъ даетъ.

3-й мужикъ.

И то... *(встаютъ и идутъ на лѣво; имъ встрѣчается Терентичъ; Прокопій его останавливаетъ).*

ЯВЛЕНІЕ II.

Прокопій и Терентичъ.

Терентичъ.

Чего тебѣ?

Прокопій.

Что-жъ, Кузьма Терентичъ, когда-жъ эфтому конецъ-то будетъ?

Терентичъ *(руки за спиной, грубовато).*

Чему это?

Прокопій.

Да Гришкину баловству... Вовсе какъ есть отъ рукъ отбился!

Терентичъ.

Ужъ ежели отца не слушаетъ—такъ я-то что?

Прокопій.

А пошѣ ты его поинь, ворованное отъ него принимаешь?

Терентичъ.

Гришка-то твой малолѣтокъ что-ли? Малолѣтнымъ только заказано вино отпущать.

Прокопій.

Ты должбнъ на деньги отпущать, а не подъ закладъ!

Терентичъ.

Ты мораль мнѣ эту не пуцай, потому не очинно я её боюсь... Еще съ тебя за безчестіе возьму!.. Подъ закладъ! А ты видѣль? Свидѣтели у тебя есть?

Прокопій.

Чего ужъ туточка, какъ кажинный денекъ то въ овсѣ

недостача, то у хозяйки либо холстъ, либо ручники пропадают!

Терентьичъ.

Не умѣлъ парня въ страхъ выростить—такъ непошто на людей валить!

Прокопій.

На что-жъ тогда пьетъ Гришка?... Денегъ у него въ заведеніи нѣту—вѣстимо на краденое!

Терентьичъ (*усмѣхаясь*).

Докажи!

Прокопій (*укоризненно*).

Бога-то побойся, Кузьма: вѣдь ты его, окромѣ, что пьяницей,—воромъ сдѣлалъ! Черезъ него раззоръ всему дому идетъ.

Терентьичъ (*пожимая плечами*).

И—вишь всему причиненъ!

Прокопій.

Христомъ Богомъ тебя прошая; гони ты его отъ себя... уважь старика! А то вѣдь всѣмъ намъ по міру идти придется!

Терентьичъ.

Чудной ты право: ну гдѣ-жъ у меня права такія чтобы гостей изъ питейнаго гнать? Кабачекъ—мѣсто вольное: денежки заплатилъ—и пей на здоровье! (*удаляется на право*).

Прокопій.

Закладъ-то по крайности не бери!

Терентьичъ (*махнувъ рукой*).

Съ тобой не столкнешь! (*уходитъ*).

Прокопій (*направляется на лѣво*).

Гдѣ столковать, коли нашей бѣдой сытъ да одѣтъ! Отъ кого и льются-то мірскія слѣзы какъ не отъ васъ, иродовъ! (*Входитъ въ кулисы*).

ЯВЛЕНІЕ III.

Сергій (*осторожно выходитъ справа и пробирается въ гущу*).

Ужъ я думалъ мужичьѣ это спать здѣсь расположится... клубъ цѣлый, черти, устроили!.. Пожалуй и Парашка изъ-за нихъ не придетъ!.. (*Садится на порогъ*).—Впрочемъ ка-

жется, я не опоздать... (*Послѣ паузы*).—Вѣдь вотъ натура дурацкая: дѣвку простую ждешь, а сердце бьется! И съ чего бы это?—А не придетъ она, бестія—стыдно передъ Николашкой будетъ... Я сказалъ ему что настою на своемъ... И вдругъ... Нѣтъ, придетъ должно быть... Арефьевна чуть не икону со стѣны снимала... (*Ужмыляясь*).—И славная-же дѣвочка эта Парашка: свѣжая такая, круглая, глаза съ поволокой... И съ огнемъ, каналья! (*Поетъ пѣтухъ*).—Запѣль... скоро значить явится... (*Помолчавъ*).—То есть, чортъ знаетъ, какъ меня эта мысль бѣситъ, что пожалуй она не придетъ! Въ окно, къ ней готовъ влѣзть, дверь взломать! (*Слѣва осматриваясь, подходитъ Арефьевна; увидя ее*).—А, колдунья любезная, привела?

ЯВЛЕНІЕ IV.

СЕРГѢЙ И АРЕФЬЕВНА.

Арефьевна (*утвердительно кивая головой*).

Здѣсь!.. Только ты, Сергѣй Захарычъ не очень ужъ её пужай... Потому дѣвка она смиренная...

Сергѣй

Ладно, не съѣмъ!.. (*Встаетъ*).

Арефьевна (*уходитъ на лѣво и черезъ минуту приходитъ съ Парасковьей; Парасковья*).

Чего опаснись?.. Иди... я посторожу... (*уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ V.

СЕРГѢЙ И ПАРАСКОВЬЯ.

Парасковья (*идетъ къ гумну, постоянно оглядываясь*).

Ой боязно!

Сергѣй (*идя къ ней на встрѣчу*).

Параша!.. Душенька моя! (*Обнимаетъ ее и ведетъ къ гумну; Парасковья въ безпокойствѣ, все оглядывается*).—Да ты не бойся... (*цѣлуетъ ее*).—Чудесная моя! (*Вводитъ ее въ гумно и сядитъ рядомъ съ собой; Парасковья закрываетъ лицо руками*).—Ну чего ты?

Парасковья (*послѣ паузы*).

Сергѣй Захарычъ, голубчикъ.. Отпусти ты меня!

Сергѣй (*удивленно*).

Отпустить... Зачѣмъ?

Парасковья.

Родненькой! Сердечушко упало!

Сергѣй.

Чего-жъ ты раньше думала?

Парасковья.

Не вѣдаю что и стряслось надо мной такое: ну-вотъ минутою тоска такая одолѣла что и не вымолвишь!

Сергѣй.

Да ты... боишься меня что-ли?

Парасковья.

Ой боюсь, Сергѣй Захарычъ,—прости ты меня!.. По глупости эфто!..

Сергѣй (*обнимаея ея*).

Мало ты меня любишь, Параша! Я вотъ на тебя безъ дрожи смотрѣть не могу!

Парасковья (*удивленно*).

Почтѣ такъ?

Сергѣй.

Люблю ужъ очень! Боюсь что уйдешь! (*Страстно цѣлуетъ ея, Парасковья уклоняется*).—Ну чего ты ломаешься?.. Нѣ любовь я видно тебѣ?

Парасковья (*растерянно*).

Ой только! Нѣ любовь!.. То-то и горе мое что сдалась я на рѣчи твои!.. А какъ опослѣ выгонишь?..—Что только я дѣлаю! (*Закрываетъ лицо руками*).

Сергѣй (*нетерпѣливо*).

Отведи ты руки-то! (*Отводитъ руки Параскови*).—Дай мнѣ въ глаза твои взглядѣться!.. (*страстно*).—Ты вѣдь сама не понимаешь что за огонь ты въ крови моей зажгла! (*Цѣлуетъ ея*). Требуй чего хочешь... Тысячи не пожалѣю!

Парасковья.

Что мнѣ тыща твоя... Ты мнѣ душу свою отдай... чтобы другой значить неповадно было!

Сергѣй (*привлекая ее къ себѣ*).

Что о другой толковать, когда ты у меня на умѣ! Цѣ-
лый мѣсяцъ ты меня знать не хотѣла... Ну поцѣлуй же...
Параша!

Парасковья.

Сергѣй Захарычъ...

Сергѣй (*горячо*).

Какой я тебѣ „Захарычъ“—Сергѣемъ зови: оно и проще
и слаще!

Парасковья.

Баринъ ты... Не гоже такъ-то...

Сергѣй.

Для тебя я не баринъ... я люблю тебя!

Парасковья (*грустно*).

Любимъ пока вновь, а опослѣ...

Сергѣй (*обнимая ее*).

А опослѣ женюсь на тебѣ! Вѣдь говорила тебѣ Арефьевна?

Парасковья.

Точно... Завѣряла...

Сергѣй.

Ну такъ чего-жъ еще?

Парасковья (*послѣ паузы*).

Въ тебѣ я Сергѣй Захарычъ не сумѣваюсь; какъ-вотъ
батюшка-то твой...

Сергѣй.

Изъ батюшки я постромку совью, коли придется! Не-
много онъ у меня наговорить! (*Обнимаетъ Парасковью; между
поцѣлуевъ*)...—Деньги у меня найдутся... Я на все пойду:
увезу коли будетъ нужно!

Парасковья.

Мнѣ не то, Сергѣй Захарычъ... ты въ скорости хопи
меня не бросай! Тяжко, такъ-то тяжело мнѣ съ тобой расста-
ваться будетъ! (*Падаетъ ему на плечо*).

Сергѣй (*поднимая ей голову*).

Ну чего ты хнычешь?.. Слова не сказала ласковаго, не
поцѣловала хорошенько, а тоже съ упреками!.. Дуры вы ки-
слыя, больше ничего!

Парасковья.

Прости ты меня, родной: сама я не вѣдаю что баю...
(страстно обнимаетъ его). Желанный мой! (За сценой справа приближается пѣсня).—Покуть (испуганно).—Мимо насъ про-
дѣтъ... Батюшки мои!

Сергѣй (шепотомъ).

Ну чего испугалась?.. Не бойся! (обнимаетъ ее крѣпче и цѣлуетъ).—Я тебя скрою...

Парасковья.

А ну заглянеть?.. Царица небесная!

Сергѣй (уводя ее въ глубь гюмна).

Морду ему разобью, а тебя онъ не увидить! (Григорій напѣвая, входитъ на сцену).

ЯВЛЕНІЕ VI.

ТѢ-ЖЕ и ГРИГОРІЙ.

Григорій (вполняна, вынимая изъ кармана косушку и направляясь къ бревнамъ).

Вотъ оно самое для выпивки мѣсто... Важно! Тутъ ужъ тятка,—шутъ его дери, не отыщеть! (Садится и отхлебываетъ изъ горлышка).—Подлецъ Терентьичъ закуской обидѣлъ... (Утирается рукавомъ). Нечѣмъ тоску въ горлѣ унять!.. Словно борона ходить! (Сплевываетъ).—И жуликъ-же! Три десятка яицъ за пятнадцать копѣекъ взялъ!.. Всего только косушку да шкаликъ отпустилъ... (Полочавъ).—И забѣгаетъ-же завтра матушка... И-и-ихъ какъ! (Ситется).—И туды-то и сюды сунется, у курицъ подъ хвостомъ щупать станеть! Лѣгко дѣло сколько яицъ со двора сбѣгло!

(Поетъ). „Ходи барыня смѣлѣй,—

Музыканту веселѣй!

Ходи изба, ходи сѣни,—

Мово мужа черти съѣли!“

„Что—ты, что—ты!“

„Я на улицу пойду,—

Пятерыхъ еще найду!“

Нѣшто имъ: Гришка такой-сякой, гулящій, пьяница...
А пошто въ охотники не сдали? (Допиваетъ остальное и бро-

саетъ посудину. Утираясь).—Бр-ръ!.. Травкой что-ли закусить? *(срываетъ траву, жуётъ и сплевываетъ)*. Все равно легче... по крайности горѣлымъ изъ рта не отдастъ!

(Поетъ). „Какъ повадилась Дуняша

Часто по воду ходить!

Лѣли-лѣли, лѣли-лѣли,

Часто по воду ходить“

„Часто по воду ходить,

Къ Алексѣю заходить!“

Ишь песь-те заѣшь! Не поется безъ пріятелевъ какъ то!.. Жару значить тово нѣтутко!.. *(Встаетъ)*.—Домой что-ли пойтить? И то... Въ ногахъ будто сумлѣніе какое *(дѣлаетъ нѣсколько шаговъ)*... такъ тебя и расшатываетъ... *(Раздумываетъ)*.—Какимъ-же я таперича манеромъ до избы своей доберусь? Какъ отъ тятки схоронюсь?.. Поди позамыкались надо быть... Въ подворотню пролѣзть? Сѣрко, оголтѣлый, лаять примется... батка съ дубиной вылѣзетъ! *(Послѣ паузы, махнувъ рукой)*.—Ну, тамотко видно будетъ! *(Идетъ на лѣво, покачиваясь и напѣвая)*:

„Къ Алексѣю заходить,

Алексѣюшку будить“...

ЯВЛЕНІЕ VII.

СЕРГѢЙ И ПАРАСКОВЬЯ. *(Выходятъ вмѣстѣ изъ гумна)*.

Сергѣй *(обнимая Парасковью)*.

Красотка! *(Парасковья въ безпокойствѣ оглядывается)*... —Экая славная какая! *(цѣлуетъ ее)*.

Парасковья *(тревожно)*.

Какъ только я до дому доберусь... народъ тутотка все бродить...

Сергѣй.

Завтра придешь?

Парасковья.

Батюшка, поди, спать улегея...

Сергѣй.

Не обманешь?.. Нѣтъ?..

Парасковья.

Чего ужъ!

Сергѣй.

Ну пойдѣмъ, я тебя до Арефьевны доведу.

Парасковья.

Ушла поди... прискучило ждать-то... *(двигается на лѣво)*.

Сергѣй.

Въ садъ, въ старую бесѣдку—знаешь? *(цѣлуетъ ее)*.

Парасковья *(стыдливо)*.

Какъ не знать!

Сергѣй *(прижимаясь)*.

И дѣвочка-же ты!.. Цѣлуешь тебя цѣлуешь—и все мало!

(Уходятъ).

Занавѣсъ.

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Садъ; слѣва, на авансценѣ, терраса стараго барскаго дома. На террасѣ, за чайнымъ столомъ, **Міроѣдовъ** съ **Сергѣемъ** пьютъ чай. Справа въ глубинѣ сцены, скамейка. Лѣтній вечеръ.

ЯВЛЕНІЕ I.

Міроѣдовъ и **Сергѣй**.

Міроѣдовъ (*прихлебывая чай*).

А не приспѣло-ли времячко, **Сергѣй**, глуности-то эти съ Парашкой покончить?

Сергѣй (*развалиясь на креслѣ и покуривая*).

По мнѣ пожалуй: признаться, мнѣ она уже и понадоѣла!

Міроѣдовъ (*глубокомысленно*).

Опять-же брюхо... Знаешь какую это передъ судомъ силу имѣеть!

Сергѣй (*небрежно*).

Брюхо! Что это, панаша, какъ вы выражаетесь!.. И какой тамъ судъ вамъ грезится!

Міроѣдовъ.

Ты по молодости лѣтъ такъ болтаешь, а мнѣ не одинъ разъ съ судомъ приводилось дѣло имѣть... Пріятности большой тутъ нѣту!.. Не Парашка—другіе найдутся, надоумять... Мужичьѣ теперь куды ловко стало!

Сергѣй.

Да позвольте: откуда вы взяли что Паранька съ брюхомъ? Бредни какія-нибудь!.. И по крайней мѣрѣ этого не замѣтить!.. Впрочемъ такой ерундой я и не занимаюсь!

Міроѣдовъ.

Тебѣ ерунда... твое дѣло только кашу заварить, а расхлебывать её долженъ отецъ... У тебя баловство допрежъ всего; а какъ мнѣ шестой десятокъ къ концу идетъ, да видѣто я видалъ,—такъ всякой значить статьѣ я свое мѣсто и отвожу.—Съ брюхомъ она, Сергѣй,—вѣрно тебѣ говорю!

Сергѣй (*съ улыбкой*).

Ну что-жъ... съ внукомъ поздравляю!

Міроѣдовъ (*строго*).

Сергѣй! Полегче!.. Памятуй что съ отцомъ говоришь!.. Не форси, что, по моей милости, въ господа вышелъ!

Сергѣй.

Еслибъ экзамена не выдержалъ—ничего-бы ваша милость не подѣлала!

Міроѣдовъ.

Опять-же безъ капитала моего,—ты не баринъ будешь, а прощальга! (*Сергѣй, съ неудовольствіемъ, отворачивается*).—Нечего рожу-то воротить: дѣло я говорю! И столбовой да безъ денегъ—что въ немъ, а ты и подавно!..

Сергѣй.

Что-жъ вамъ отъ меня надо?

Міроѣдовъ.

Я скрозъ пальцы глядѣлъ на баловство на твое, пока дѣло въ сурьѣзъ не пошло, а таперича какъ хошь, а Парашку ты таво... Обскажи ей, значить, что полно вамъ любовью заѣмовать... Тятенькѣ дескать это не по идраву...

Сергѣй (*горячась*).

Такимъ образомъ только пошлые дураки или мальчишки могутъ со своими любовницами объясняться! (*Настыливо*). Тятенькѣ не по идраву! Да меня со стыда пополамъ разорветъ коли я эдакую дичь скажу!

Міроѣдовъ.

Ну, другимъ манеромъ надумай... Умасли что-ль... ты ученый... Что денегъ за тебя переплачено!

Сергѣй.

Вы думаете пріятно такіе разговоры вести? Пойдутъ слёзы да охи—и не оттрясешь дѣвку!

Міроѣдовъ.

А какъ она да на тебя съ прошенъемъ взойдетъ, что ты ребенка съ ней прижить—пріятно тогда будетъ?.. А если еще скажетъ что ты её за себя взять обѣщался?—Слухъ о томъ есть...

Сергѣй.

Вы всякой ерундѣ вѣрить готовы! Ну гдѣ у нея доказательства?

Міроѣдовъ.

Правда-ли, нѣтъ-ли, а все сподручиѣ тебѣ переговоры съ ней; она, сказываютъ, души въ тебѣ не чаеъ...—Ну, поплачетъ—извѣстно веселаго тутъ для нея немного—и разойдетесь...

Сергѣй (подумавъ).

Ничего я съ ней говорить не буду; я этнхъ бабынхъ слѣзъ терпѣть не могу! Дайте вы мнѣ, напаша, денегъ—и сегодня-же въ ночь я въ городъ укачу... Вотъ и все! Пусть тогда хоть рѣкой разливается!

Міроѣдовъ.

Ловокъ ты парень какъ погляжу! Это по нашему все одно выходить что съ больной головы да на здоровую! Дѣвку сбиль съ толку, наболталъ ей съ три короба—да и на утѣкъ! А тамъ отецъ возжаіся!.. Не годится, Сергѣй, такъ-то!

Сергѣй.

Да вы сами требуете чтобы я покончилъ съ нею?

Міроѣдовъ.

Требую, точно; потому добра тебѣ желаю... А все-жъ тебѣ самому надо переговоры съ ней имѣть...

Сергѣй.

Да какіе тамъ переговоры?.. Подарите ей побольше, отцу долги похѣрьте... Я-то тутъ вамъ зачѣмъ?

Міроѣдовъ.

Тебѣ поваднѣ.

Сергѣй.

Это почему?

Міроѣдовъ.

Потому Парашка тебѣ всякую уступку сдѣлаетъ... Може

съ сердцовъ и вовсе отъ награды отступится; а съ меня они шкуру драть станутъ, обрадуются что случай такой вышелъ... Мужикъ—плутъ: пока его къ землѣ гнѣшь—на все для тебя готовъ, а чуть выпрямляться зачалъ ну и бѣда!

Сергѣй (съ ироніей).

Такъ вонъ оно что: вамъ, папаша, жалко нѣсколько лишннихъ рублей бросить чтобы сына успокоить?

Міроѣдовъ.

Извѣстно жалко; потому деньги эти не тебѣ, а на вѣтеръ пойдутъ! Не для того я ихъ наживаю, чтобы по чужимъ рукамъ разбрасывать!

Сергѣй.

Ну, а я, папаша, такую обузу на себя брать не намѣренъ—воля ваша! Лучше ужъ я до поры до времени съ Парашкой по прежнему буду... (*встаетъ и потягивается*).

Міроѣдовъ.

А вотъ какъ она тебѣ робенка на колѣнки кинетъ—такъ тогда и посмотримъ! Волкомъ завоешь и ко мнѣ прибѣжишь! (*Справа входитъ Терентьичъ*).

ЯВЛЕНІЕ II.

Тѣ-же и Терентьичъ.

Терентьичъ (*приподнимая фуражку*).

И можетъ не ко времени, Захаръ Лексѣичъ?

Міроѣдовъ.

Нѣтъ, ничего... (*Сергѣй уходитъ въ дверь*).—Ты куда?

Сергѣй.

Да пойду, пошляюсь...

Міроѣдовъ.

Ужинать будешь?

Сергѣй.

Нѣтъ. (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ III.

Міроѣдовъ и Терентьичъ.

Міроѣдовъ.

Садись, что-ли... (*Терентьичъ садится*).—Ну что, вызнала Арина что-нибудь?

Терентьичъ.

Ни синь-пороху: ужъ очинно крѣпка дѣвка!

Міроѣдовъ.

Да може Парашка не въ ладахъ съ ней?

Терентьичъ.

Какъ можно, Захаръ Лексѣичъ: онѣ завсегда промежъ себя дружили!.. Было точно, малость времячка, будто онѣ разошлись... Парасковья Арицу къ Сергѣю Захарычу прирѣвновала,—да въ скорости обошлось эфто.

Міроѣдовъ (*въ раздумьи*).

Надавалъ мнѣ сынокъ заботы, неча сказать!.. Оно конечно—дѣло молодое... за кѣмъ изъ насъ грѣха не было... (*послѣ паузы*).—А какъ ты полагаешь: жаднѣ до денегъ Парасковья?

Терентьичъ.

Что на мысли у ней—конечно неизвѣстенъ я, Захаръ Лексѣичъ, а только по сю пору Сергѣй Захарычъ, окромя сарафановъ, ничего на ней не потратили... Арефьевна мнѣ сказывала.

Міроѣдовъ.

Должно выше бьетъ... ждетъ какъ опростается... Тутъ-то меня они съ тятенькой и угостятъ!

Терентьичъ.

Да вы чего опаситесь? Нѣшто дѣло какое мудреное? Вѣдь они всѣ въ рукахъ у васъ!.. Пущай Сергѣй Захарычъ съ Богомъ въ губернію отъѣзжаютъ, а мы тѣмъ временемъ на Парашку Арефьевну натравимъ, а Климыча долгами дойдемъ. Побьются—побьются да съ тѣмъ и отъѣдутъ!.. Оposлѣ, какъ подадутся—можно и милость имъ оказать, чтобы значить не очинно ужъ имъ тошно было!

Міроѣдовъ.

А пословицу знаешь: „не устанетъ рука принимаючи, а устанетъ даваючи!“ Покажи имъ дорогу только—покою не найдешь!... И приспичило-же Сергѣя тутъ шашни заводить: не могъ до города-то оставить!

Терентьичъ (*улымаясь*).

Молоды они, Захаръ Лексѣичъ... Опять-же четвертый мѣсяцъ здѣсь пребываютъ... А у Парасковьи въ глазахъ масла что эфтаго—и Боже мой!

Міроѣдовъ (*не слушая*).

И грѣхъ-то вѣдь какой: отяжелѣла!.. На зло ровно! Не будь этова—дѣло самое пустяковое, а тутъ...

Терентьичъ (*махая рукой*).

Эхъ, Захаръ Лексѣичъ,—занапрасно вы себя только безпокоите!

Міроѣдовъ (*не слушая*).

Ну уладишь... тѣмъ-ли, другимъ-ли манеромъ—все-жъ это на строкъ, до поры до времени... Положимъ, пока Климычъ живъ—узда на ней есть, а умереть?

Терентьичъ.

А вы извольте Парашку замужъ отдать... Самое разлюбезное дѣло: тогда и концы въ воду!

Міроѣдовъ (*послѣ паузы*).

Думать я объ этомъ... да-вѣдь дорого, Терентьичъ, станеть... Заломать, окаянные, и не вѣсть что! Ты подумай только: Климычу отвали, молодымъ—народъ то вѣдь все нищій... Надо и пѣзу справить, и одѣжу и другое-прочее... Что денегъ изведешь!

Терентьичъ.

А вы, Захаръ Лексѣичъ, на обзаведеніе то дайте, что для обихода нужно, а тѣмotto видно будетъ!

Міроѣдовъ (*глядя на него и поглаживая бороду*).

То есть... тово?

Терентьичъ.

Именно-съ! Народъ молодой—пушай сами наживаютъ!

Міроѣдовъ (*пополчавъ*).

А за коро-жъ спустить-то её?

Терентьичъ.

Далече не пошто ходитъ: подъ рукой парень имѣется... Гришка, Прокопья сынъ... Да дѣло Захаръ Лексѣичъ, не въ женихъ: Парасковья вотъ какъ усовѣститъ?.. А дѣло надо въ скорости скрутить.

Міроѣдовъ.

Арефьевнѣ можно препоручить, потому дѣло это бабье.

Терентьичъ (*подумавъ*).

Оно точно... баба тутотка лучше нашего оборудуетъ, а все-жъ, Захаръ Лексѣичъ, я по своему глупому разуму такое разсужденіе имѣю что безпремѣнно Климыча надо къ стѣнѣ прижать, да такъ чтобы значить и онъ, и Парасковья, какъ должно, восчувствовали! Вѣдь дѣчь тоже, Захаръ Лексѣичъ: жалко родителя-то будетъ!—Для пущей остротки можно, въ случаѣ чего, и волостныхъ на ноги!

Міроѣдовъ.

Ну объ этомъ въ горницѣ потолкуемъ, а ты—возьми да собери все: малаго-то я услалъ.

Терентьичъ (*вскакивая*).

Слушаю, Захаръ Лексѣичъ! (*беретъ самоваръ и уноситъ*).

Міроѣдовъ (*про себя*).

Ему надо все предоставить: потому ловокъ каналья да и дешевле меня обработаетъ... Если и сдеретъ для себя малую толпку—найдутся для меня эти деньги! (*Терентьичъ входитъ и начинаетъ собирать на подносъ чашки. Міроѣдовъ встаетъ*).—А погода будто что мнется?

Терентьичъ (*съ подносомъ въ рукахъ и скатертью на плечъ, взглядывая на небо*).

И то, Захаръ Лексѣичъ... Чтобы Богъ дождичка не далъ! (*Уходитъ въ домъ; Міроѣдовъ, позывывая идетъ за нимъ и запираетъ дверь на ключъ*).

ЯВЛЕНІЕ IV.

ПАРАСКОВЬЯ (*выходитъ крадучись изъ-за кустовъ направо*).

А! Вонъ оно что: замужъ меня отдать ладятся!.. Бѣльмо я имъ на глазу таперича, спокою ихнему вредительни-

цей стала!.. А допрежь того все ладно да хорошо было!.. *(Садится на скамью)*.—Прочуяли!.. „Парасковью вотъ какъ усоветить“, баилъ Терентьичъ!.. Окаянные! Съ дѣвкой поладить сумѣваются—такъ за отца, за ослабшаго берутся! Мало-вишь ему скорби отъ нихъ досталось... „Къ стѣнѣ прижать его надоть!“... Кроваивцы! Чего его прижимать-то? И то старика до того довели, что всякова оклику опанется! *(Задумывается. Послѣ паузы)*.—Царица Небесная! Ужли Сергѣй Захарычъ про сговоры про ихнія извѣстенъ?.. Ужли съ его знатя меня за немшова отдать ладятся? *(Послѣ паузы)*... И отдадутъ... потому сила они: вся волюсть имъ покоряется... Терентьичъ баилъ что мнѣ батюшку жалъ будетъ... Вѣстимо жалъ: что я ему, сердешному, страму принесла! Опять-же изъ-за меня они семью голодомъ смѣрять! *(Послѣ паузы)*... Нѣтъ! Сердечушко вѣрить не хочетъ чтобы Сергѣй Захарычъ за одно съ ними былъ! Безъ него они, окаянные, такое надумали! *(Подумавъ)*.—А коли онъ про то извѣстенъ?.. Мѣже вмѣстѣ они мой страмъ обсуживали да Сергѣй Захарычъ отъ постылой отвязаться хотѣлъ? *(Закрываетъ лицо руками. Сквозь слѣзы)*.—Господи-Батюшка! Гдѣ-жъ тогда совѣсть людская?.. Вѣрить чему? Пошѣ-жъ тогда слова ласковыя, поцѣлуи что ровно огнемъ меня палили? *(Отчаянно)*... Взять за себя вѣдь онъ божился!—Сергѣюшка! Желанный мой!.. За что губить меня хочешь?.. Чтѣ я тебѣ супротивнаго сдѣлала? *(Плачетъ; потомъ прислушивается. Изъ-за кулисъ слыва, Сергѣй насвистываетъ изъ „Прекрасной Елены“)*—(Онъ! *(вскакиваетъ и быстро вытираетъ глаза)*).

ЯВЛЕНІЕ V.

ПАРАСКОВЬЯ И СЕРГѢЙ.

Парасковья *(бросаясь Сергѣю на шею)*.

Родимый!

Сергѣй *(удивленно)*.

Такъ близко отъ-дому... еще увидить кто!

Парасковья.

Позамыкались—сама слышала.

Сергѣй (*обнявъ Парасковью*).

Чего-жъ ты тамъ меня не ждала?

Парасковья.

Ждала, желанный... да не пришелъ ты какъ сулілся,
—ну я и...

Сергѣй (*усаживая её на скамью*).

Нельзя было... Ты думаешь у меня только и дѣла
что ты?

Парасковья.

Гдѣ ужъ! Вѣстимо у барина какъ дѣловъ, не быть!
Да прискучило мнѣ въ бѣсѣдкѣ-то...

Сергѣй.

Прискучило! А мнѣ думаешь весело отцовскіе выго-
воры переносить? Что пзъ-за тебя мнѣ попадаетъ—этого-то
ты не знаешь... (*оглядываетъ станъ Парасковьи*).

Парасковья (*грустно*).

Гдѣ знать!

Сергѣй (*обнимая Парасковью и
вглядываясь въ неё*).

Здорова ты Параша?

Парасковья (*удивленно*).

Чего?

Сергѣй.

Ничего у тебя не болитъ?

Парасковья (*пристально взглянуть
на него*).

Пошто ты спрашиваешь?

Сергѣй (*слегка смущаясь*).

Блѣдна ты... похудѣла...

Парасковья (*съ отпѣнкомъ ироніи*):

Вчера съ днемъ не видалъ, а теперь ночью запримѣтилъ!

Сергѣй.

Случилось такъ... Ну что-жъ?

Парасковья.

Скучно малость.

Сергѣй.

Тошнить тебя что-ли?

Парасковья.

Какъ?

Сергѣй.

Сосѣтъ подъ сердцемъ?

Парасковья.

Бываетъ... Подкатится сюды (*показывая на грудь*)—и вонъ значить... Особливо пообѣдамши... А что?

Сергѣй.

Да такъ... заботитъ меня твое здоровье...

Парасковья (*послѣ паузы, грустно*).

Полно-ка, Сергѣй Захарычъ! Не та у тебя забота.

Сергѣй.

Что-о?

Парасковья.

Да! И не токмо что ты—и тятинька твой то-же самое!.. Выслушала я... Къ тому ты и рѣчь о хвори моей повелъ: желательно тебѣ въ тяжести моей увѣриться...—Да, тяжела я!.. И вотъ что молвлю я тебѣ, Сергѣй Захарычъ: выслушала я какъ меня замужъ отдать ладятся,—за кого только въ толкъ не взяла—ну, все одно: никто мнѣ милъ не будетъ!.. Вѣры не хотѣлось мнѣ давать чтобы ты за одно съ ними былъ... А таперича вижу: опостылѣла я тебѣ... за что—про то я неизвѣстна... Мѡже и красота, что была, слетѣла, мѡже другую лучше нашелъ! (*Сквозь слезы*).—Охъ, только, Сергѣй Захарычъ, пошто ты въ грѣхъ-то меня вводилъ? (*Плачетъ*).

Сергѣй (*вставая и прохаживаясь*).

Дура ты, больше ничего! Выростила глаза на мокромъ мѣстѣ!.. Ты, значить, не знаешь какъ нашъ братъ, этого не любить!

Парасковья (*не обращая вниманія*).

Не сдалась-бы я, какъ передъ Богомъ, кабы не завѣренья твои... Думала хоша полюбовницей, коли не въ законъ, буду... А что: трехъ мѣсяцовъ не изжила—и въ шею!

Сергѣй.

Да откуда ты все это взяла?.. Чего ревешь?.. Нисколько ты мнѣ не опостылѣла... О здоровьи твоёмъ спрашивалъ потому что ты въ самомъ дѣлѣ похудѣла. А до отца и до его глупостей что мнѣ за дѣло! (*Пожимаетъ плечами*).

Парасковья (*ударяя себя въ грудь*).

Сёрдце чуетъ, Сергѣй Захарычъ! Не такую рѣчь ты со мной въ началѣ держалъ! Не такъ и глаза то твои на меня глядѣли!.. Сладко мнѣ съ тобой было, куды какъ сладко! (*махнувъ рукой*). Что и вспоминать!.. Ровно палаты какія свѣтлыя мнѣ открывались, какъ ты ластился ко мнѣ, ровно царицей какой приставляла я себя, возлѣ тебя сидючи; отъ рѣчей твоихъ сердечушко ровно въ храмъ Божию растворялося! (*Отчаянно*)... И, опослѣ всего эфтова, за немилаго идтить! (*Закрываетъ лицо руками*).

Сергѣй (*подсаживаясь къ Парасковьи и обнимая ее*).

Да съ кѣмъ отецъ-то говорилъ—скажи толкомъ!

Парасковья (*сквозь слезы*).

Съ Терентычемъ, вѣстимо съ кѣмъ! Они отца мово во все прижать ладятся, чтобы значить меня сбыть... Арефьевну поминали...

Сергѣй.

Все это глупости: ну что могутъ они безъ меня сдѣлать?

Парасковья.

Не вступись ты за меня—по всему вижу! Охолодѣлъ ты ко мнѣ: колико времени сидимъ—ты-бы хошѣ рязчикъ поцѣловалъ! (*Закрываетъ лицо руками*).

Сергѣй.

Не люблю я мокрѣя щеки цѣловать: натура ужъ такая!.. А ты все ревешь—и съ чего—Богъ тебя знаетъ!

Парасковья (*горячо*).

Съ чего?.. И ты меня пытаешь?.. А съ того что за немилаго меня отдадутъ и ты слова не молвишь! (*съ горечью*). Ты-то вотъ уѣдешь, а мнѣ каково будетъ съ постылымъ мужемъ вѣкъ вѣковать?.. А придется! Потому, не согласна я буду—батюшку задавать они! Они вѣрно надумали, что я выкуплю его, сердешнаго,—потому много горя ему принесла! (*Бросаясь на шею Сергѣю*).—Сергѣюшка! Ужли въ тебѣ ужъ ничего любви ко мнѣ не осталось?.. Коли еще

жалѣешь—не отдавай меня на мѹку! (*Сквозь слезы*).—Родимый! Лютѣ казни нѣтутко!.. Ну, не живи со мной, коль прискучила,—отца-то мовѣ хошѣ сбереги! (*Быстро убѣгаетъ*).

Сергѣй (*бросаясь за ней*).

Параша! Постои! Куда ты? (*Возвращаясь, послѣ паузы*).
—Пожалуй такъ-то еще лучше!.. И чего только панаша въ набать билъ?.. Судъ мерещился... Пропастъ денегъ... (*Смѣется*).
—Да этихъ дурь такъ ловко объегоривать можно, что просто прелесть!

Занавѣсъ.

ДѢЙСТВІЕ ПЯТОЕ.

Старенькая изба; слѣва, въ глубинѣ сцены, печь; въ серединѣ полъ, подъ нимъ дверь. На авансценѣ, справа—полабочникъ и столъ, за которымъ сидитъ **Аннушка**; возлѣ нея, на небольшой скамьѣ, **Парасковья**. На столѣ остатки паужна. Зимній день на убыли.

ЯВЛЕНІЕ I.

Аннушка.

Ну, а опослѣ какъ онъ уѣхалъ,—въ скорости замужъ тебя выдали?

Парасковья.

Почитай въ двѣ недѣли окрутили!.. Признаться, у меня и память отшибло какъ рукобитье было, какъ къ вѣнцу повезли, какъ столъ былъ... Ровно во снѣ приставляется какъ батюшка меня прошалъ чтобы, значить, я имъ не препятствовала, какъ слезами обливался, какъ Григорій, на первой-же недѣлькѣ, мнѣ въ ухо далъ...

Аннушка.

Н-ну!.. Пошѣ такъ-то? Неизвѣстенъ рази былъ на что шель, какую за себя бралъ...

Парасковья.

Въ законъ, баилъ, привести тебя надоть: чтобы значить покоряться ты приобучилась!.. Охъ только, тетушка!.. Кабы не батюшка,—скажи смерть, въ кабалу-бы аѣту не пошла! А то, помысли-ка родная: со всѣхъ концовъ рвать его, сердешнаго, зачали... Тотъ кричитъ: подай! другой—выстегаю!.. третій—въ острогъ засажу—есть отъ чего ума рѣшиться! И нуще всего Захаръ Лексѣичъ: самъ въ сторонѣ, а другихъ-прочихъ натравляетъ!

Аннушка.

Что говорить—аѣюпъ какъ есть... И рожа-то у нево самая продова; вотъ какъ ономясь въ Каменномъ, про

Турскаго царя монашекъ мнѣ одинъ обсказывалъ. — По крайности спокоилъ-ли онъ брата-то?

Парасковья.

Въ надеждѣ были, потому чуть не иконой завѣрялъ... золотыя горы сулилъ, какъ надобно было меня на замужество сбить; а опослѣ только избу батюшкѣ справилъ да подати за него внесъ.

Аннушка.

А долги какъ?

Парасковья.

А долги долгами и остались; обманулъ вовсе! Знамо дѣло изъ кабалы выпустить не охота!

Аннушка (сокрушенно).

И люди-же пошли! Часа-то смертнаго не опасаются!.. Ну, будешь-же ты, окаянный, на томъ свѣтѣ каленую скоророду лизать!

Парасковья.

А пока что,—мы, грѣшные, пустую ложку лижемъ, а онъ брюхо отращиваетъ.

Аннушка.

Грѣхи тяжкіе! (*Послѣ паузы*).—И денегъ ни гроша не далъ?

Парасковья.

Красенькую тамъ что-ли отвалилъ! (*Горячо*).—И вѣдь вотъ совѣсть-то у людей какая: языкъ у нехристя повернулся батюшкѣ молвить, будто я у Сергѣя Захарыча кучу денегъ выманила! А и сарафаны-то самъ приказывалъ брать да носить: отъ твоей одѣжи, баилъ, навозомъ да чадомъ избянымъ несетъ—душу мнѣ воробитъ!

Аннушка.

Вотъ она, Параха, молодость да глупость: не попользовалась, а отъ молвы худой все не ушла! Грѣхъ примать было не надоть, а послужила сатанѣ—такъ по крайности чтобы и отцу и себѣ...

Парасковья (перебивая, горячо).

Тетушка! Да нѣшто впору было мнѣ объ этомъ заботу имѣть! И сарафанъ—отъ, что онъ мнѣ спервоначалу далъ, —и тотъ руки жёгъ: такъ все думушка и лежала на сердцѣ, чтобы за продажную не счелъ!

Аннушка (*удивленно*).

Чудная ты, какъ погляжу! А не жгло тебя внутрѣ-то, какъ на эндакое дѣло шла? Не страшно было передъ Царицей небесной?

Парасковья (*потупляясь*).

Коли не страшно!.. Да, тетушка, сбивали тоже,—батушку до смерти жалко было: стегать его собирались, а пуще всего, родная, съ сердечушкомъ со своимъ совладать моченьки не было! Ну ровно лукавый головушку мою помутилъ!.. Опять-же за себя взять общался и другимъ про то баблѣ... Нѣшто лзя было сумлѣваться? (*опускаетъ голову*).

Аннушка (*наставительно*).

Въ породѣ въ ихней завсегда сумлѣваться надлежить: сомустители!—А ты ровно его и по сю пору не запомновала?

Парасковья.

Вовсе выкинуть—не подѣ силу тетушка; и танѣся не стану. А только чужой онъ мнѣ таперича, вовсе чужой!.. Потому не запомновать мнѣ какъ люто разшелся онъ со мной!.. Да эфто что: пуще всего жить не въ мочоту! Какъ младенца я скинула--вовсе тошнехонько стало! (*Задумывается*).

Аннушка.

Съ чего скинула-то? Мужъ что-ли тому причинень?.. Хошѣ онъ и не путевой, а все, кажись, не ахтѣ какъ грозень!

Парасковья (*махнувъ рукой*).

Эхъ, родная... тутотка дѣло не въ грозѣ! Нѣшто не вѣдала я за кого шла? Очинно хорошо извѣства была что Григорій и выпить охочъ и другое-прочее... И побоевъ ждала... потому вина моя какъ есть при мнѣ—не схоронишь! Робенокъ—пригульной; никакому мужу пріятства въ томъ нѣту;—все эфто понять можно. Да билъ-то за что ты спрошай!

Аннушка.

Ну!

Парасковья.

Съ мѣсяцъ, ни какъ поболѣ, Сергѣй Захарычъ сюды наѣхалъ; вѣстимо ужъ я отъ него, что скрозъ землю... Такъ что-жь... Григорій меня къ нему за деньгами посылалъ...

къ полюбовнику-то! (*горячо*). Гулять ладился на то, что жена у него выманить!

Аннушка (*вздыхая*).

Грѣхи тяжкіе!

Парасковья.

Ну, не пошла я—въ загорбокъ накласть, а опосля такъ подъ сердце двинулъ, что свѣтъ изъ глазъ моихъ выкатился! Передъ утромъ, мертвенькаго и скинула!—Такъ вотъ, родимая, съ той самой поры видѣть Григорья я не могу: особенно какъ онъ зачнетъ сивухой въ меня духъ пущать—такъ внутрь все и повернется!

Аннушка.

Ну, эфто пустое: не одинъ онъ—почти всѣ сивухой отшибаютъ!

Парасковья (*не слушая ее*).

Чудится что онъ младенца мово загубилъ, а за то что мать пойти гулять не захотѣла! И застелеть вдругъ глаза темью, головушка помутится, а въ уши ровно кто страшное твердитъ (*содрогаясь и припадая къ плечу Аннушки*).—Тяжко таковó, родимая!

Аннушка (*тревожно*).

Что ты, Параха: ума что-ли рѣшилась? (*лаская ее*).—Микола съ тобой!.. Къ попу сходи... Не то дай я съ уголька тебя сбрызну?.. Не обижайся ужъ очень на мужа-то: сама извѣстна каковъ онъ есть... Съ пустымъ брюхомъ мало-ли на что пойдешь! Опять-же сама ты обсказывала какъ васъ въ обманъ ввели...

Парасковья (*выправляясь*).

Тетушка! Да вѣдь сегодня онъ меня за деньгами пошлетъ,—завтра Сергѣю Захарычу можетъ на умъ придти и уплату стребовать!

Аннушка.

Ну какая съ васъ уплата!

Парасковья.

Вѣстимо не съ Григорья—меня въ бесѣдку позоветъ! Може недалече времячко, что и самъ меня къ нему гнать будетъ да колотить, коли супротивничать стану! Не продавась я, тетушка, какъ вольной дѣвкой была,—не пристало

мнѣ таперича, мужней женѣ, изъ подъ палки страмоту на себя примать! (*Принимая къ плечу Аннушки*).—Тетушка! Родная! Возьми меня съ собой! Бѣздно мнѣ оставаться здѣсятко!

Аннушка (*отдаляясь*).

Что ты!.. Угодники Божьи! Куда я съ тобой дѣнусь? Вернуть тебя живымъ манеромъ и мнѣ на орѣхи попадетъ!

Парасковья.

Что моченьки моей, было—пособила я батюшкѣ; не мой грѣхъ что замѣстъ людей—на злодѣевъ напала! Робенка у меня нѣтутко, чтобы жисть мнѣ скрашивалъ, а съ постылымъ мужемъ и грѣхъ всякій принять не долго! (*бросаясь къ Аннушкѣ*).—Возьми меня, родимая! Искожу я съ тобой землю нашу великую, поклонюсь угодникамъ Божиимъ, —може и полегчаетъ на сердцѣ! (*За дверью Григорій поетъ*):

„Она пляшетъ, рукой машетъ,

Пастушка къ себѣ манѣтъ,—

Ай люли манѣтъ,

Ай люли манѣтъ“!..

(*Парасковья быстро вставая*):—Такъ не возьмешь?

Аннушка.

Чудная ты! Да нешто лѣзя тебѣ отъ живова мужа идтить! (*Входитъ, продолжая пѣсню, нѣсколько на веселѣ, Григорій,—за нимъ Николай*).

ЯВЛЕНІЕ II.

Тѣ же, Григорій и Николай.

Григорій (*снимая шапку и бросая ее на полъ*).

Тетушка, наше вамъ-съ! (*Продолжая пѣть*).

„А какъ третью ночевалъ—

Онъ все стадо растерялъ,

Ай люли растерялъ,

Ай люли растерялъ!“

(*Парасковья*).—Барышня! Чево глаза подъ лобъ закатили?.. Водки! Вишь гостя привелъ! (*Снимаетъ полушубокъ и бросаетъ его въ уголъ*).

Парасковья (*презрительно*).

Нѣтутко.

Григорій

Разживись!

Николай *(на ухо Григорію).*

Не безобразничай... Песъ! Въ карманъ-то что?

Аннушка *(вставая).*

Чего орешь-то? Басурманъ! *(Парасковья вполголоса).*—
Пойдемъ, Параха, отъ трѣха! *(Объ одѣваются).*

Григорій.

Полштофъ по крайности... *(Аннушка и Парасковья выходятъ).*—Лишка не повредить!.. Опять-же у Терентьича и вино: кобылѣ только впору хвостъ замыывать! *(Садится за столъ).*

ЯВЛЕНІЕ III.

Григорій и Николай.

Григорій *(вынимаетъ изъ кармана полуштофъ и рѣжетъ хлѣбъ).*

Ну, выпьемъ Николаха... Таперича безъ бабъ вальготнѣе;—ну ихъ къ лѣшему!

Николай *(сядаясь).*

Стаканчикъ-то гдѣ?.. А-ль съ горлышка?

Григорій *(оглядываясь).*

Поди замкнула краля-то... Живетъ и такъ! *(Пьетъ изъ горлышка и передаетъ Николаю посуду; тотъ пьетъ и закусываетъ; Григорій начинаетъ наигрывать).*

Николай.

Да ты покинь музыку-то—чортъ! Говорилъ вѣдь я тебѣ, что дѣло у меня до тебя имѣется!

Григорій *(бросая на столъ гормонію).*

Коли на сухо баить ладишься—и не моги! Потому и то объѣхали меня важно!.. Я вамъ, каторжнымъ, таперича безъ задатка и на алтынъ вѣры не дамъ!

Николай *(доставая изъ кармана и бросая на столъ рублевую бумажку).*

На, пустое твое брюхо!

Григорій (*разсматривая*).

Рупь-цалковый значить... Не ахти мнѣ манета какая важнѣющая! (*Прячетъ въ карманъ*).—Ну, обсказывай, шутъ-те дери! (*пьетъ и закусываетъ*).

Николай (*вполголоса*).

Сергѣю Захарычу Парасковью повидать охота...

Григорій.

Замололо значить на старое!

Николай.

Не ори ты, глотка кабацкая!

Григорій (*подбоченясь*).

Ишь ты!.. Твоя-то медомъ что-ль смазана?.. А не согласенъ я буду—что возьмешь?

Николай (*презрительно*).

Олухъ ты!

Григорій (*пьянымъ голосомъ*).

Олухъ... Нѣтъ, ты мнѣ въ настоящую разъясни! (*Ударяя кулакомъ по столу*).—И—мужъ... въ церкви вѣнчаны!

Николай.

Про такихъ мужей—недоуздокъ у насъ припасенъ: живо съарканимъ!

Григорій (*насмѣшливо*).

Больно ужъ вы бойки, чортовы дѣти!

Николай.

Бумагу-то, знать, запомятовалъ?

Григорій.

Каку-таку бумагу?

Николай (*усмѣхаясь*).

А къ коей руку прикладывалъ...

Григорій.

Объ томъ, значить, что окромя что дано ничего не стребую?

Николай (*наставительно*).

И выходишь ты Пошехонъ—и больше ничего; въ трехъ соснахъ заблудился!

Григорій (*съ неудовольствіемъ*).

Съ вами, съ разбойниками, и хуже Пошехона сдѣлаешься!—Подвохъ что-ли какой сдѣлали?

Николай (*шутливо*).

Зачѣмъ подвохъ — недоуздочекъ на твою милость... цѣрбы, значить, ты завсегда въ рукахъ нашихъ пребывалъ!

Григорій.

Чего зубы скалишь—обсказывай толкомъ! (*Выпиваетъ остатокъ водки*).

Николай.

А мнѣ-то?

Григорій (*утираясь рукавомъ*).

Ладно... и глядѣньемъ сытъ будешь!.. Сережка поднесетъ!

Николай.

Ты, другъ любезный, ренду подписалъ—не другое что!

Григорій (*удивленно*).

Каку ренду?

Николай.

Обнаковенную ренду за усадьбу, коей владѣешь! За дворъ значить, за гуменникъ, за огородъ... На Паску денежки припасаѣй—не то на полосу спать иди!

Григорій (*растерянно*).

Да вѣдь, онъ закрѣпилъ усадьбу за мной... Изъ какой-же тогда корысти я Сережкину полюбовницу за себя взялъ? (*Горько*).—Дьяволы вы!.. Ироды!.. Кровь православную пьете!

Николай.

Ты иначе... тово... не балуйся Гришка: у Захаръ Лексѣича такая спротивъ тебя сила имѣется—что живымъ манеромъ въ должныя чувства приведетъ!

Григорій.

Скотина ты! Вѣдь въ такомъ разѣ выходитъ что изъ кабалы мнѣ и не выбратъся?

Николай (*съ усмѣшкой*).

Надо полагать!

Григорій (*послѣ паузы*).

Сколько-жъ мнѣ отваятъ коли я Парашку предоставлю?

Николай.

Ты, Гришка, перво на перво много важности не наби-

рай... „Предоставлю!“ Не согласье твое нужно, а ты должонъ жену приневолить, потому охотой она не подеть.

Григорій (*помолчавъ*).

Испробуемъ! Мнѣ—все единственно, потому—шкура она... барышня... рыло отъ меня завсегда воротить... Ну, четвертную и бумагу ту къ лѣшему—идеть? (*Протягиваетъ руку*).

Николай.

О бумагахъ что пусто и толковать: Захаръ Лексѣичъ не сдастся на это; ренду мы тебѣ простимъ—Сергѣй обдѣлаетъ... Ну и десять цалковыхъ на руку. (*Встаетъ*).

Григорій.

Мало! Хоть пятишницу прикни!

Николай.

Тамъ видно будетъ... Ты-то вотъ не спяться!

Григорій (*вставая и покачиваясь*).

Гришка на слово крѣиокъ! Самъ приволоку, коли упи-
раться станеть!

Николай.

Какъ придетъ—такъ ты её и гони! (*Идетъ къ двери*).

Григорій.

Ладно... безъ сумлѣнья! (*Николай уходитъ; Григорій садится за столъ*).

ЯВЛЕНІЕ IV.

Григорій одинъ (*размышляя*).

Вотъ... обязался... И какъ тутотка не обязаться коли съ ножемъ къ горлу лѣзутъ!.. А вѣдь мудреная эфто штука Парашку туда прогнать: упрется, шутъ её дери!—И правду бантъ: такъ и быть надлежить, потому въ законѣ она таперича, честь мою блюдетъ... (*Помолчавъ*). А я-то... (*Горячо*). И разбойника-жъ они изъ меня, нехристи, сдѣлали! Парнишкой къ вину приобучили... потомъ изъ дому ташить... А топерь, на-ка вотъ, жену имъ предоставь!.. Нутро чуетъ что пакость эфто, а что подѣлаешь, покорись—потому кабала! (*Задумывается; послѣ паузы*).—Оно и то сказать: не любъ я ей... Палкой насъ обѣихъ къ рукобитью гнали!.. Она изъ-за того только и къ вѣнцу шла, чтобы

значить, ея пригульному отцу былъ... Нешто почувствуетъ она эфто... Може самой только и охота съ Сережкой обняться посидѣть... Може только для отводу упираться станеть... А да ну васъ! Всѣ-то вы съ обманомъ да съ подвохомъ! (*Послѣ паузы*).—Ну, не пошлю ее—ренду плати... Чѣмъ? Тогда и домъ отберутъ, на полосу постель выносить придется... А жрать? Не до водки тогда будетъ... И гармонію и кампанство—все запамятуешь!—Окрутилъ старый чортъ!.. Такъ я рассчитывалъ: полюбовницу Сережкину возьму—по крайности въ спокоѣ буду... Ироды!.. Только петлю накинули!.. Парнемъ, не въ примѣръ, вольготнѣе было!.. (*Горячась*).—Иди! Умѣла мужа покупать—ну и платись! За баловство свое отвѣтъ держи!.. Деньги тащи... въ домъ—вѣдь алтына нѣтутко... долги одни... Пошто въ самѣдѣлѣ сколь времячка я страмоту прималъ? (*Стучаётъ кулакомъ*).—Шабашъ! Прогоню!.. Да и жалости моей она не заслужила! (*Входитъ Парасковья*).

ЯВЛЕНІЕ V.

ГРИГОРІЙ И ПАРАСКОВЬЯ.

Григорій.

Принесла?

Парасковья (*раздѣваясь*).

Что?

Григорій.

Запамятовала нешто? Вина я наказывалъ.

Парасковья (*сидя на полавочникѣ*).

Въ долги не отпускаютъ.

Григорій (*съ усмѣшкой*).

Будто? Тебѣ-то да не отпускаютъ!

Парасковья (*злобно*).

Я по кабакамъ не шатаюсь!

Григорій.

Друзей за то много!

Парасковья.

Ты что-ль считалъ?

Григорій (*горячась*).

Вино подавай!

Парасковья.

Молвила: нѣту!

Григорій.

На зло не разжилась?

Парасковья.

Кабы лѣзя—разжилась-бы: любѣ мнѣ тебя пьянымъ, какъ колода видѣть, нежели когда съ поцѣлуями лѣзешь!

Григорій.

На то мужъ я тебѣ... покоряться должна!

Парасковья.

И покоряюсь... А поцѣлуевъ отъ меня не жди, потому постылъ ты мнѣ,—во какъ постылъ!

Григорій (*усмѣхаясь*).

Вѣстимо Сережка любѣ—что объ томъ бантъ! Иди къ нему—зоветь!

Парасковья.

Не пошто мнѣ къ нему идтить: передъ закономъ я не извѣрюсь!

Григорій (*горячась*).

А коли я пошлю тебя?

Парасковья.

Не пойду.

Григорій (*вставая*).

Что-о?.. Супротивъ мужа?

Парасковья.

Да ты что... не съ пьяныхъ глазъ, а взаправду? Жену продать хошь?

Григорій (*выходя изъ-за стола*).

А ты какъ думала? Шутки что-ль съ тобой шутить буду? Длѣ-че я тебя за себя взялъ?.. Грѣхъ твой что-ли прикрыть? Съ немилой ночи коротать?—Что ты мнѣ принесла? Дворъ эфтотъ—мой? Огородъ, гуменникъ—мой?—Обдули вы меня, песьи дѣти! Замѣсть спокою—въ кабалу взяли! Долгами, ровно паутиной, оплели!

Парасковья (*вставая, тревожно*).

И ты, по эфтому по самому, къ полюбовнику меня гонишь?

Григорій.

Гоню... Потому охоты у меня нѣтъ на полосѣ спать да за недоимки подѣ розги ложиться! Опять-же обвязался...

Парасковья.

Иродъ! Совѣсть-то у тебя гдѣ? Въ кабацѣ проишь?
(*Быстро одѣвается и бросается къ двери*).

Григорій (*отталкиваетъ ее*).

Стой! Куда наладилась?

Парасковья (*растерянно*).

Къ лѣшему!.. Въ воду!

Григорій.

Прежде денежки принеси!

Парасковья (*порываясь къ двери*).

Пусти!.. Я къ батюшкѣ пойду!

Григорій (*мгновенно разгорячаясь и хватая ее за руку*).

Къ Сережкѣ иди, сволочь!.. Деньги волоки! (*Ищетъ въ углу полушубокъ*).

Парасковья (*вырываясь*).

Душегубъ! Женой торговать задумалъ! (*Забѣгаетъ за столъ*).

Григорій (*наступая*).

Не зли: худо будетъ! Покорись лучше!

Парасковья (*обезумѣвъ*).

Ни за что! (*Хватаетъ со стола ножъ; Григорій приближается*).—Не подходи! (*Показываетъ ножъ*).—Вотъ!

Григорій (*бѣшено*).

Ахъ, чертовка... еще ножомъ грозится! Постои ужо! (*Схватываетъ ее*). Силой потащу! (*Парасковья, съ дикимъ возгласомъ, вонзаетъ въ него ножъ; Григорій со стономъ валится на полавочникъ*). „Ой... убила!“.

Парасковья (*отскакиваетъ, вся дрожа*).

Вглядывается въ Григорія; тотъ кончается. Последъ паузы, шопотомъ).

Зарѣзала! (*Прислоняется, въ ужасъ, къ стѣнѣ и роняетъ ножъ*).

ЯВЛЕНІЕ VI.

Парасковья и Климычъ.

Климычъ (входитъ и останавливается на порогъ).

Ты что, Параха? (Показывая на Григорія). Хмѣлѣнъ что-ли?

Парасковья (хватается руками за голову; потомъ, послѣ паузы, выпрямившись, холодно).

Порѣшила я его! (Климычъ, въ ужасѣ столбенѣетъ).

Занавѣсъ.

КОНЕЦЪ ПЯТАГО И ПОСЛѢДНЯГО ДѢЙСТВІЯ.

